

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

*Сборник статей по материалам III международной
заочной научно-практической конференции*

Новосибирск
2015

УДК 1+3
ББК 6/8
Г34

Ответственный редактор: Васинович М.А.

Редакционная коллегия:

д-р философии по искусствоведению

В.Ю. Барштейн,

канд. пед. наук **М.Е. Виговская,**

канд. тех. наук, д-р пед. наук

О.В. Виштак,

канд. филос. наук **Т.А. Гужавина,**

канд. техн. наук **Д.В. Елисеев,**

канд. пед. наук **С.Ю. Иванова,**

д-р психол. наук **В.С. Карапетян,**

канд. филос. наук **В.Е. Карпенко,**

канд. филос. наук **Т.М. Карпенко,**

канд. ист. наук **К.В. Купченко,**

канд. пед. наук **Т.Н. Ле-ван,**

канд. экон. наук **Г.В. Леонидова,**

канд. ист. наук **Д.В. Прошин,**

канд. ист. наук **И.С. Соловенко,**

д-р экон. наук **Л.А. Толстолесова,**

д-р пед. наук, проф. **Н.П. Ходакова,**

канд. ист. наук **В.Р. Шаяхметова,**

канд. пед. наук **С.Я. Якушева.**

Г34 Гендерные исследования в гуманитарных науках / Сб. ст.
по материалам III междунар. заочной науч.-практ. конф. Новосибирск:
Изд. АНС «СибАК», 2015. 98 с.

ISBN 978-5-4379-0433-6

Учредитель: АНС «СибАК»

Сборник статей «Гендерные исследования в гуманитарных науках»
включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей
обязательна.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0433-6

© АНС «СибАК», 2015

Оглавление

Секция 1. Вопросы гендера в психологии	5
МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРУДА И БЫТА ЖЕНЩИН МАЛОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА В 1959–1979 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ Г. БОГОТОЛА) Вавиленко Ангелина Юрьевна	5
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ Уварова Елена Александровна Казанцева Анастасия Геннадьевна	14
ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ Мусатова Ольга Витальевна	18
ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СГОРАНИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА Протасова Ирина Николаевна	26
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ РЕФЛЕКСИВНОСТЬЮ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЕЙ ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ КРИЗИС ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА Френкель Мария Владимировна	31
Секция 2. Вопросы гендера в педагогике	40
МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГИКА»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ Бутурлим Татьяна Ивановна	40
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ Маркова Анна Вячеславовна	45
Секция 3. Вопросы гендера в истории	51
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ Бояринова Полина Александровна	51

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ. Трибунских Наталья Ивановна	57
---	----

Секция 4. Вопросы гендера в экономике и управлении	67
---	-----------

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД Крупский Александр Петрович	67
---	----

ДЕФИЦИТ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА И СПОСОБЫ ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ Зубова Ольга Николаевна Трюшников Евгений Сергеевна	79
--	----

Секция 5. Вопросы гендера в социологии	86
---	-----------

ГЕНДЕР И ЦЕЛЕВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ Бахронова Дилрабо Келдиёровна	86
--	----

СЕКЦИЯ 1.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПСИХОЛОГИИ

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРУДА И БЫТА ЖЕНЩИН МАЛОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА В 1959–1979 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ Г. БОГОТОЛА)

Вавиленко Ангелина Юрьевна
аспирант II года КрасГАУ,
РФ, г. Красноярск
E-mail: vavilenko.a@gmail.com

"MODERNIZATION OF THE WORKING AND LIVING CONDITIONS OF WOMEN SMALL SIBERIAN TOWN IN 1959–1979 YEARS. (ON MATERIALS BOGOTOL)"

Angelina Vavilenko
graduate student 1 year
of Krasnoyarsk State Agricultural University, department of Russian history
Russia, Krasnoyarsk

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме модернизации труда и быта женщин малого сибирского города в 1959–1979 гг. Автор на основе материалом местного архива, музея и интервью показывает влияние модернизации и процесса урбанизации на изменение характера труда и быта женщин отдельного малого города.

ABSTRACT

This article is devoted to the modernization of the working and living conditions of women in a small Siberian town of 1959–1979 years. Author on the basis of material of local archives, museums and interviews shows the influence of modernization and urbanization on the changing nature of work and life of women separate small city.

Ключевые слова: модернизация; малый город; Боготол; урбанизация; советская женщина.

Keywords: modernization; small town; Bogotol; urbanization; Soviet woman.

За последние годы роль истории повседневности в различных отраслях исторического знания значительно возросла. Предметом истории повседневности является сфера человеческой обыденности, мироощущение и позиционирование себя в определённом историко-культурном пространстве. Малый город – это особое культурное пространство, в котором соединяются крестьянское и городское мировоззрение [7]. Вследствие этого, изучение повседневной жизни человека малого города даёт ценный материал для формирования целостного образа определённой исторической эпохи. Привлечение женского опыта в данном контексте, представляется наиболее актуальным, так как роль женщины в формировании социо-культурного пространства города велика.

Процессы урбанизации, активно развивавшиеся на территории Сибири с 1950-х–1970-е гг., поставили перед обществом новые цели и задачи, при этом, изменив образ жизни людей. В большей степени изменения затронули именно женщин, так как женский «бюджет времени» напрямую зависит от развития городской инфраструктуры. Таким образом, малый город является «буферной зоной» между деревней и большим городом, где женщина примеряет на себя статус горожанки, сохраняя при этом стереотипы деревенского поведения. В данной статье вопрос о трудовой и бытовой сфере жизни женщины малого города рассматривается на основе источников местного архива и музея. Отдельное место занимают материалы «устной истории» (интервью с жительницами города) и фотографии, на основе которых можно составить наиболее полное представление о женской обыденности.

Конец 1950-х–1970-е гг. – период активного строительства и развития малых городов Восточной Сибири. При этом формирование городской сети имеет особые черты, отличительные от европейской части страны. Географический фактор (суровый климат, отдаленность от центра), малая плотность заселения (низкие темпы внутренней миграции) – все эти условия обеспечили особый ритм развития городской сети. Особенностью урбанизации Сибири в XX в. стало значительное воздействие на этот процесс бурно развивающегося железнодорожного транспорта. Об этом говорит тот факт, что около 80 % городского населения сибирского региона сосредотачивалось

в городах, расположенных на железнодорожных магистралях, вследствие этого города перестали быть центрами сосредоточения региональных интересов, местом концентрации «городской деятельности и превратились в инструмент обслуживания централизованно размещаемого производства, места концентрации планомерно перемещаемой рабочей силы, в поселения при предприятиях» [12, с. 41].

Процессы урбанизации дали толчок развитию городской инфраструктуры. Начиная со второй половины 1950-х гг. в Восточной Сибири наблюдалось активное жилищное и социально-бытовое строительство. В Красноярском крае за 1956–1960 гг. было введено в строй 3872 тыс. кв. м. общей площади жилья – в 1,9 раза больше, чем в пятой пятилетке, и в 4 раза больше сравнительно с первой послевоенной пятилеткой. В этот процесс активно включались малые города, в большинстве своем стройки шли за счет средств местных промышленных предприятий, а не государственного финансирования.

Боготол являлся ярким представителем категории «малых городов». Конец 1950-х гг. стал для города переломной чертой в развитии. Активное использование железнодорожного узла, наличие мощной продовольственной базы, позволило г. Боготолу получить средства на дальнейшее формирование и улучшение городской инфраструктуры. С 1960-х г. на территории города началось строительство ряда крупных промышленных предприятий. В 1962 г. построили вагонно-ремонтный завод и локомотивное депо, являвшееся «источником жизни для города» и средством социальной мобильности населения [2]. В целом, на период 1959–1979 гг. число предприятий стоящих на самостоятельном балансе увеличилось с 10 до 14 [9, с. 17].

Степень участия женщин в социалистической индустриализации страны была высока. Являясь активным участником промышленного строительства, женщина, так или иначе, постепенно втягивалась в процессы урбанизации. При этом происходила трансформация женского статуса, роли женщины в производстве, менялся бюджет женского времени. Повседневная жизнь женщин также откликнулась и видоизменялась в связи с меняющимися внешними и внутренними условиями. Изменение трудовой сферы жизни позволило женщине улучшить свое материальное положение, и при этом удовлетворить свои потребности в саморазвитии и самовыражении.

К 1976 г. численность работающих женщин в стране достигла 53,7 миллиона человек, что составляло 51 процент всех рабочих и служащих [8]. Рост трудовой активности советских женщин рос повсеместно. Менялась основная характеристика труда, т. е. расширялась сфера применения женского труда и его

качественная составляющая. Возможность получения образования и повышения квалификации стала стимулом для изменения образа жизни. Хотя главной сферой применения женского труда по-прежнему оставалась промышленность.

Женщины г. Боготола на протяжении всего изучаемого периода составляли 51 % населения [10, с. 40–41]. Как уже было сказано, активное развитие города и строительство заводов дали женщинам альтернативу выбора трудоустройства. По отношению к общему числу рабочих Боготола, был высокий процент женщин-работниц. Следуя данным центра статистики по Боготольскому району, доля женщин-работниц распределялась так:

Таблица 1.

Распределение женского населения г. Боготола по сферам производства с 1959–1979 гг. [7, с. 46–49] человек

Год.	1966 г.	1967 г.	1968 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1972 г.	1974 г.
Общая численность	30,9	30,9	29,0	28,6	28,1	27,6	29,3	30,1	29,3
Доля женщин:	15,7	15,7	14,7	14,5	14,3	14,0	14,9	15,3	14,9
Общее число рабочих	22827	22772	22428	21892	22314	22179	22381	21905	22328
Доля женщин:	3123	4456	6762	7824	6781	7344	6645	8912	8765
Здравоохранение	465	477	476	488	472	509	639	580	642
Культура	31	34	34	37	46	48	64	67	79
Промышленность	305	245	315	358	346	358	435	363	428
Строительство	156	224	246	252	244	249	644	630	759
Торговля	950	910	916	1074	1132	1151	1154	1161	1164
Просвещение	1053	1078	1094	971	908	876	910	855	850

Исходя из данных таблицы, можно сказать, что доля работающих женщин в промышленности к 1979 г. увеличилась. Это объясняется тем, что в г. Боготоле процент женщин со средним образованием вырос, и заработная плата на заводах была намного выше. Вечерние школы и техникумы, организованные при заводах дали возможность женщинам получить образование, повысить квалификацию, быстрее устроиться в городе, получить жилье и повысить материальный уровень семьи. Возможность карьерного роста, стабильная заработная плата, бесплатное обучение специальности стимулировали развитие в женщине квалифицированного работника и давали возможность выбора между рутинным ведением домашнего быта и шансом заметно улучшить свое материальное положение.

Альтернатива выбора профессии, появление городской культуры, организация культурного досуга – все эти моменты повлияли

на бытовую жизнь женщины. Быт женщины понятие многогранное, складывающиеся из многих вещей: от одежды, которую носит женщина, до того есть ли в доме пылесос или электроплита, которая бы облегчила её труд, от появления парикмахерских и ресторанов до строительства новой жилплощади.

В 1950–1960-е гг. в СССР начинаются широкомасштабные социальные и культурные реформы. В рамках всеобщей программы и, благодаря промышленному росту, в г. Боготоле началось создание культурной базы, на которую выделялись большие средства. В 1963 г. началось строительство Дворца культуры железнодорожников – ДКЖД. На средства железной дороги в этом же году был построен большой парк с каруселями, фонтанами, сценой и танцплощадкой. Парк был полностью освещен и стал местом отдыха для многих боготольцев. При ДКЖД была организована большая библиотека.

Открытие культурных заведений повлекло за собой изменения в жизни города. Появление выходных дней, детских садов некоторым образом перестроило жизнь женщин, у них появилось свободное время, желание заняться своим делом, помимо бытового хозяйства. Государственная программа по защите материнства, оказанию материальной и бытовой помощи должна была обеспечить перераспределение бюджета женского времени [6]. В ДКЖД появлялись многочисленные женские кружки по кройке и шитью, вязанию, художественному вышиванию, кружки народной песни. Женщины активно участвовали и посещали кружки. В конце сезона организовывались выставки работ, и лучшая рукодельница получала почетную грамоту. По воспоминаниям работника библиотеки Татьяны Михайловны Комлевой: «...Библиотека было очень популярным местом. Много женщин посещало нас, разного возраста. Основной спрос был на любовные романы, детективы, фантастику и приключения, в особенности Хемингуэй [3].

С помощью женсоветов более 100 женщин отправились по бесплатным путевкам на Черное море. Женщины активно участвовали и в культурной жизни города, посещая библиотеку, кинотеатры, выступая с хором «народной песни» в парке, участвуя в городских выставках по вышиванию, играя в труппе театра – все это однозначно говорит о том, что женщина нашла место где можно бывать вне дома, показать свои таланты и раскрыть способности. Однако такое времяпрепровождение могли себе позволить далеко не все женщины г. Боготол. Естественно, занятие в кружках, посещение кинотеатра, общественная жизнь составляли альтернативу рутинному домашнему быту. Но был другой вопрос, а каждая ли

женщина могла себе позволить такое проведение досуга, и вообще было ли это столь необходимым для боготольской женщины.

По воспоминаниям Надежды Сергеевны Кудиновой, главного технолога Хлебозавода, уровень культурного просвещения женщин был довольно низким: «...В основном женщины, не имевшие много детей, работающие на «непыльных» работах имели много времени. У нас коллектив на Хлебозаводе был простой, в основном все жили в бараках, почти все имели подсобное хозяйство. Как проходил досуг – на лавке с разговорами, в огороде, в парк ходили, конечно, на танцы, книги брали в библиотеках. В основном же дел было очень много, приходилось «вкалывать» по-мужски. Да не были мы городскими, вот услышишь, как ругаются женщины во дворе и понимаешь, что мы бабы деревенские...» [4].

Строительство крупных предприятий расширило торговую сеть, в городе появились магазины ОРСа, подведомственные железной дороге [7]. В основном это были продовольственные магазины, но с более широким ассортиментом товаров. В 1964 г. открылся большой магазин РАЙПО. Магазин «Сибирь» пополнился новыми товарами: тканями, одеждой, музыкальными инструментами, радиоприемниками. Предлагали разный товар по доступным ценам: одежда, бытовая химия, предметы интерьера, хотя ассортимент был не большой. В магазинах РАЙПО был более широкий выбор товаров, но цены были выше. Не каждая женщина могла позволить себе дефицитный товар, который сделал бы её более привлекательной. Также следует учесть, что понятие «городская мода» в г. Боготоле только формировалось.

В 1968 г. в Боготоле появилась «Фабрика Бытовых Товаров», которая значительным образом поменяла и быт и внешний облик женщин [1]. На самой фабрике в основном трудились только женщины-мастера. Фабрика выпускала одежду и мебель. При Боготольском комбинате бытового обслуживания позже открылся пункт проката. К услугам женщин предоставлялись стиральные машины (1 руб. в сутки), пылесосы (50 коп. в сутки) и швейные машинки (30 коп. в сутки). Также в салоне быткомбината открылся отдел «полуфабрикатов». Покупателям предоставлялся большой выбор мужских и женских костюмов, пальто, головных уборов, платьев. Позже появились новые производственные постройки: пимокатный и мебельный цех. В 1965 г. пимокатный цех выпустил около 95 тыс. пар валенок.

В одежде также появились новшества: гофрированные и плиссированные юбки. Из бытовых принадлежностей – появилась

газовая плита «Львов-28». «...Все всегда одевались на фабрике. Знали женщин, которые там шьют. Цены были нормальные. Покупали там всю одежду: школьную форму, нижнее белье, валенки. Все конечно было одинаковое, черное, коричневое и серое. Если хотелось цветного, то либо в магазин надо идти, либо в ателье шить. Ну а кто мог сами себя обшивали...» [5].

Каждый год 7–10 августа в ДКЖ проводился показ «модной одежды». Но в основном у женщин 1960–1970-х. пользовались успехом платья, отделанные машинной вышивкой, комбинированные платья с жакетами разных цветов, шерстяные платья, юбки (чуть ниже колена) с пиджаками преимущественно темных, не ярких цветов, сапожки и лакированные туфли на круглом каблуке либо мокасины на сплошной подошве, ситцевые рубашки и платья, сатиновые юбки. Среди женщин была модной химия, каре и крупные кудри. Для 14 тыс. женщин двух парикмахерских было недостаточно, поэтому многие стриглись дома и сами себя причесывали. Плохо организованный сервис, привычка ухаживать за собой самостоятельно и отсутствие свободного времени заставляли женщину мыслить в традиционной форме.

Таким образом, изменение сферы применения женского труда непосредственным образом повлияло на бытовую жизнь женщины. Хотя кардинального изменения в жизни женщины не произошло, но определенные тенденции сформировались. Традиционным в женщине оставался тип мышления, при котором уход за собой женщина осуществляла самостоятельно, следуя «бабушкиному принципу», особой элегантностью стиля не отличалась. Выбирая обыкновенную косу или традиционный «платок» вместо удобной химии или модной стрижки, женщина оставалась той же «деревенской бабой» – (рис. 1,3). Однако на этом фоне постепенно формируется новая категория женщин, которые активно пользуются благами городской жизни. Отсутствие необходимых товаров и одежды они компенсировали тем, что «обшивали» себя сами. Делали себе простую, но все-таки прическу, получая необходимую информацию из книг, журналов, кинофильмов.

Бюджет времени женщины формировался уже не столь традиционно, появилась категория личного времени. Сказывалось и то, что в г. Боготоле формировалась городская и социальная инфраструктура (детские сады), хотя многим женщинам зачастую приходилось выполнять все ту же работу, что и в деревне (топить дом, носить воду, стирать вручную, заниматься огородничеством и скотоводством) – (рис. 2.). Однако возможность изменения сферы

занятости, позволяли улучшить материальное положение, следовательно, у женщины появлялись средства, которые она могла тратить на свои нужды. Поэтому малый город – это уникальная среда, где женщине приходилось «балансировать» между традиционным типом мышления и желанием раскрыть свою «женственность», в условиях недостатка времени, услуг и материальной базы (ткань, косметика, аксессуары).

Рисунок 1. «Фотография Боцевой И.А. 1962 г.»

Рисунок 2. «Фотография Громыко А.Ю (1962 г.)»

Рисунок 3. Фото женщин за обедом (1960 г.)

Список литературы:

1. Знамя Ленина. – 1970. – № 7. – 10 с.
2. Интервью с Кудиновой Н.С, записано Вавиленко А.Ю. 6–8 июня 2011 г.
3. Интервью с Комлевой Т.М записано Вавиленко А.Ю. 7 июня 2011 г.
4. Интервью с Кудиновой Н.С, записано Вавиленко А.Ю. 6–8 июня 2011 г.
5. Интервью с Ковалевой В.Х., записано Вавиленко А.Ю. 5 июня 2011 г.
6. Материалы XXII съезда КПСС. М.: – 1961. – № 60. – 169 с.
7. Назаров А.Г. Малые города России: становление, развитие, историческая судьба// Биосфера. – 1993. – № 4. – С. 3–10.
8. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М.: Статистика. 1977. – 703 с.
9. Основные показатели развития хозяйства и культуры Боготольского района, Красноярского края с 1959–1979-е гг. М.: 1954. – С. 17.
10. Основные показатели развития хозяйства и культуры Боготольского района, Красноярского края с 1959–1979-е гг. М.: 1954. – С. 40–41.
11. Основные показатели развития хозяйства и культуры Боготольского района, Красноярского края с 1959–1979-е гг. М.: 1954. – С. 46–49.
12. Сенявский А.С. Российский город в 1960–80-е гг.// Урбанизация России в XX веке. – 2003. – № 4. – С. 35–48.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Уварова Елена Александровна

*канд. филол. наук, доц. кафедры английской филологии
ФГБОУ ВПО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
РФ, г. Тула*

Казанцева Анастасия Геннадьевна

*магистрант 2-го года обучения, факультет иностранных языков
ФГБОУ ВПО «ТГПУ им. Л.Н. Толстого»
РФ, г. Тула
E-mail: ana50109427@yandex.ru*

ACTUAL PROBLEMS OF MODERN GENDER LINGUISTICS

Elena Uvarova

*associate professor of the English philology department
Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
Russia, Tula*

Anastasia Kazantceva

*1st year postgraduate, faculty of foreign languages
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Russia, Tula*

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой исследование актуальных проблем современной гендерной лингвистики, а также рассматривает различные подходы к изучению гендерного аспекта в языке. В данной статье гендер рассмотрен в свете нескольких направлений: как явление социальное, психолингвистическое и когнитивное.

ABSTRACT

The article represents the analysis of actual problems of modern gender linguistics and the detailed research of different approaches to the study of gender aspect in the language. In this article gender is viewed from different points: as a social, psycholinguistic and cognitive phenomenon.

Ключевые слова: гендер; гендерная лингвистика; лингвистическая гендерология; антропоцентрический подход; парадигма; коммуникация.

Keywords: gender; gender linguistics; gender study; anthropological approach; paradigm; communication.

В течение последних десятилетий в лингвистике интенсивно развиваются направления, основанные на антропоцентрическом подходе к изучению языковых феноменов. Особое место среди них занимают гендерные исследования языка. Термин «гендер» в современной лингвистической парадигме появился гораздо позже, чем в другие гуманитарные науки, лишь в 60–70-е годы XX века. Исследования в данной области изначально стали проводиться в западных странах, и первые системные описания мужских и женских особенностей коммуникативного поведения и языка были сделаны на базе языков, принадлежащих германской и романской языковым группам. В отечественной лингвистике работы в области гендерологии возникли только в конце 80 - начале 90 годов, и лишь с середины 90-х исследования по данной тематике стали стремительно развиваться. В настоящее время этот процесс проходит столь интенсивно, что сейчас можно с уверенностью говорить о появлении ещё одной новой отрасли отечественного языкознания – *лингвистической гендерологии* [1, с. 16].

На современном этапе изучения лингвистической гендерологии уже существует ряд научных трудов, в которых предпринимается попытка описания языка, как системы, в рамках антропоцентрического подхода, создается теоретическая модель гендера и производится классификация методологических и научных подходов к исследованию проблематики гендера в лингвистике. В настоящее время отечественные лингвисты за основу берут вопросы, касающиеся разработки методики лингвистического исследования гендера и создания инструментария гендерных исследований [2, с. 123].

В современном состоянии гендерных исследований можно выделить несколько направлений.

С конца XIX века явление маскулинности – фемининности рассматривается как социальный феномен, при котором социальная стратификация общества представлена как результат естественного разделения функций в обществе по гендерному признаку. Первое направление в изучении гендерного аспекта сводится к трактовке исключительно социальной природы языка женщин и мужчин и нацелено на выявление тех отличительных языковых особенностей,

которые можно отметить «при выделении всего, что формирует черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как женщин и мужчин».

Один из наиболее важных трудов в данном направлении принадлежит Джеймсу Коатсу, и называется он «Женщины, мужчины и язык. Гендер и язык». Автор рассматривает социолингвистику, или «науку о языке в его социальном контексте» [3, с. 35]. «Мужской» или «женский» язык определяется здесь как некая функциональная производная от основного языка, которая используется в жизненных ситуациях общения людей, принадлежащих к различным социальным слоям, то есть данная наука особое место отводит языковой вариативности: фонетической, лексической, синтаксической, стилистической, а так же социальной. Для социолингвистов «мужчины и женщины представляют собой специфичные социальные группы, характеризующиеся особыми чертами [3, с. 39], при этом они отличаются друг от друга, и женщины рассматриваются как малая группа, то есть группа с низким социальным статусом. Возможны два подхода к данным социальным группам: первый подход – подход «различий», здесь мужчины и женщины рассматриваются как представители разных, но равноправных субкультур, и подход «доминирования», когда женщины воспринимаются зависимой группой, которая подчиняется доминирующей группе мужчин [3, с. 45].

Подобные результаты были получены в ходе исследований, проводимых П. Траджиллом. Ученый изучал фонетические особенности мужской и женской речи в Норвиче. Другой лингвист Р. Макаулэй занимался исследованием мужского и женского речевого поведения в Глазго. М. Ньюбрук рассматривал язык представителей обоих полов города Вест-Виррал. Представители социолингвистических гендерных исследований видели своей целью «исследование взаимосвязи лингвистической вариативности с другими переменными в определённых социальных группах» [3, с. 96–97].

Второе направление в изучении гендерных различий – социопсихолингвистическое. Здесь изучение «женского» и «мужского» языка сводится к выделению особенностей языкового поведения полов. Для ученых, которые проводят исследования в данной сфере, статистические показатели и определение средних показателей имеют первоочередное значение. Исходя из полученных наблюдений, ими создается база, с помощью которой и строятся психолингвистические теории мужского и женского типов коммуникативного поведения.

Изучение психосоциальных проявлений языковой личности – направление сравнительно новое. Задача создания единой теории

психосоциального компонента языковой личности до сих пор остаётся нерешенной, несмотря на то, что уже существует достаточно много научных трудов, посвященных отдельным особенностям мужского и женского речевого поведения.

Попытку систематизировать экспериментальные данные и создать целостную картину социопсихолингвистической теории предпринял В.В. Наумовым. Согласно В.В. Наумову, к параметрам психосоциального компонента можно отнести: возрастной и гендерный аспекты, психоэмотивную составляющую языковой личности, национальную принадлежность и т. д. Данные показатели могут варьироваться, хотя нельзя не признать факта наличия инвариантных субкомпонентов психосоциального компонента языковой личности – а именно *гендерный аспект*.

Метод В.В. Наумова является преимущественно метанаучным. Автор описывает исследовательские наработки в области того или иного параметра языковой личности, но не систематизирует собственно языковые средства. Имеющиеся обобщения касаются в большей мере уровней фонетики, просодики, синтаксиса и др. Данной проблематикой занимался еще один ученый, А.Г. Фомин. В его книге «Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности» гендер рассматривается как психолингвистическая категория, согласно которой данный феномен характеризуется как многокомпонентная иерархическая структура, а именно: исследование гендерного дисплея, изучение гендерного компонента в коммуникативном поведении, рассмотрение гендерных стереотипов и специфики их фиксации в речевой деятельности, построение и использование гендерной схемы при описании когнитивной структуры гендера [5, с. 114].

Последователи третьего направления ставят во главу угла когнитивный аспект различий в языковом поведении полов, то есть вербальное поведение, связанное с особенностями мыслительной и познавательной деятельности человека. Наиболее важным в данном направлении является не только определение частотности различий и оперирование её параметрами, но и создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий [4, с. 158].

Когнитивный аспект в лингвистической гендерологии связан с тем, что мужчины и женщины обладают разным языковым сознанием. Различия в языке женщин и мужчин объясняются их биологическими особенностями, а так же дифференциацией

социальных сфер языкового общения и коммуникативных ситуаций, сферой языкового сознания.

Накопление когнитивного опыта – результат познавательной, деятельности, которая во многом определяется когнитивными, эмоциональными и физическими способностями личности.

В современной научной парадигме все три направления являются взаимодополняющими и рассматриваются только во взаимосвязи друг с другом.

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что в основе гендерных исследований в отечественной лингвистике, лежит второе направление, а именно социопсихолингвистический подход, несмотря на то, что в настоящее время наметилась тенденция к увеличению количества исследований в рамках первого направления. К тому же появляется всё больше литературы, посвященной изучению кросскультурных гендерных различий.

Список литературы:

1. Кирилина А.В. Категория gender в языкознании // Женщина в Российском обществе. М., – 1997, – № 2. – С. 15–20.
2. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. – 226 с.
3. Коатс Дж. Женщины, мужчины и язык // Гендер и язык [антология]; сост. А.В. Кириллина. – М., 2005. – 189 с.
4. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2007. – 240 с.
5. Фомин А.Г. Психолингвистическая концепция моделирования гендерной языковой личности. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003. – 236 с.

ОСОБЕННОСТИ ГЕНДЕРНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Мусатова Ольга Витальевна

канд. пед. наук, доцент

Новосибирского государственного педагогического университета,

РФ, г. Новосибирск

E-mail: musatova-o@yandex.ru

FEATURES OF GENDER IDENTITY OF MODERN ELEMENTARY SCHOOL STUDENTS

Olga Musatova

*candidate of pedagogical Sciences, Associate professor
of Novosibirsk state pedagogical University,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены результаты диагностики по определению особенностей гендерного самосознания младших школьников. Представлен вариант диагностики С. Бэм для младших школьников. Показана важность проведения психолого-педагогической работы по формированию гендерных представлений у детей.

ABSTRACT

In the article the results of diagnostics to determine the characteristics of gender identity younger students. Presented version diagnostics S. BEM for younger students. Shows the importance of psycho-pedagogical work on formation of gender roles in children.

Ключевые слова: гендер; гендерная социализация; гендерная идентичность; формирование гендерных представлений.

Keywords: gender; gender socialization; gender identity; the formation of gender perceptions.

Младший школьный возраст – один из самых важных периодов в развитии личности. Как известно, в этом возрасте формируются важные личностные новообразования, такие как становление адекватной самооценки, развитие критичности по отношению к себе и окружающим, усвоение социальных норм, и, конечно, нравственное развитие. Попадая в школьный мир, ребёнок оказывается перед множеством разнообразных выборов, касающихся всех сторон жизни в нем: как учиться и как строить свои отношения с учителями, как общаться со сверстниками, как относиться к тем или иным требованиям и нормам и многое другое. Поэтому так важно задать правильные ориентиры в развитии детей: каким ему быть, как себя вести, как относиться к окружающим и др. Одно из важнейших направлений в формировании самосознания ребенка – формирование представлений об истинно мужских и истинно женских качествах, добродетелях, эталонах.

В современном мире всё чаще задаются образцы поведения, при котором истинно мужские и истинно женские качества завуалированы, либо навязываются мысли о свободном выборе самим ребёнком гендерного поведения, независимо от его половой принадлежности. Тому способствуют средства массовой информации, распространение сюжетов о смене пола, о свободном выборе партнера не обязательно другого пола и т. п. Это приводит к проблемам связанным с формированием гендерных представлений, а также нарушению гендерной социализации, а иногда и гендерной идентичности. В связи с этим представляется весьма актуальным вопрос об изучении гендерных особенностей современных детей.

В апреле 2015 г. нами было проведено исследование по изучению гендерных особенностей детей младшего школьного возраста г. Новосибирска. Всего в исследовании приняли участие 58 человек, среди которых 35 мальчиков и 23 девочки в возрасте 9–10 лет. Все дети обучаются в муниципальных школах города в 3 классе.

Для изучения гендерных особенностей детей были применены следующие методики:

- проективная методика «Рисунок человека» (гендерный аспект) [2, с. 70–82];
- адаптированный для младшего школьного возраста опросник «Исследование маскулинности-фемининности личности» (С. Бем) [1, с. 149–152].

Проективная методика «Рисунок человека» применяется для определения психологических особенностей личности, в том числе для определения гендерных особенностей. Ключевыми параметрами содержательного анализа рисунка человека с точки зрения гендерных особенностей являются следующие:

1. совпадает или нет пол автора рисунка с полом изображённого человека;
2. выражена ли половая идентификация;
3. наличие нарушений или затруднений в сфере половой идентификации;
4. сформированность и принятие своей половой идентичности;
5. эмоциональное состояние и самооценка.

Основные признаки половой идентификации, важные при проведении анализа рисунков, представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Основные признаки половой идентификации

Показатели анализа	Пол фигуры	
	женщина	мужчина
Основные признаки пола	Грудь, талия–бедро, плечи	Обозначение паховой области, мускулатура, плечи–бедро
Дополнительные признаки женственности – мужественности	Длинные и волнистые волосы, пышная причёска, длинные и загнутые реснички, пухлые губки	Борода, усы, короткие волосы на голове, оволосение на теле
Аксессуары, связанные с полом	Сумки, украшения, косметика	Трость, сигары, зоты, шляпа
Традиционная одежда	Платье, юбка, рюшечки, воланы, туфли	Брюки, шорты, рубашка, галстук, ботинки
Признаки детскости, инфантильности	Отсутствие соответствующих вторичных половых признаков	
	Бантики, корона	Короткие штанишки
	Пуговицы как единственный атрибут в одежде	

На наличие нарушений или затруднений в сфере половой идентификации могут указывать, такие особенности в рисунке, как изображение деталей фигуры, свойственных для представителей противоположного пола (например, женская грудь на мужской фигуре), усиленный нажим, штриховка или исправления в области гениталий и т. д. Более подробно данный аспект представлен в работе Т.В. Румянцевой «Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре» [2, с. 70–82].

Рассмотрим результаты, полученные в ходе исследования по данной методике «Рисунок человека» (гендерный аспект). По критерию «Совпадает или нет пол автора рисунка с полом изображённого человека» получены данные, свидетельствующие о предпочтении детей на рисунках изображать человека своего пола – 83 % детей на рисунках изобразили человека своего пола.

По критерию выраженности половой идентификации получены результаты, свидетельствующие о преобладании средней выраженности половой идентификации (67 % детей). Эти дети имеют представления о своей половой принадлежности, на их рисунках представлены все признаки пола, которые проявляются достаточно чётко. На рисунках фигуры у девочек – узкие (покатые) плечи, грудь обозначена волной, тонкая талия, относительно широкие бедра; на рисунках фигуры у мальчиков – широкие плечи, мускулатура, узкие

бедр. Представлены дополнительные признаки мужественности и женственности. У 27 % детей выраженность половой идентификации слабая, у 7 % – не выражена совсем.

У 76 % детей сформировалось понятие и принятие своей половой идентичности. Дети изобразили фигуру человека своего пола с соответствующими половыми признаками отчетливой выраженности, своего возраста, позитивно воспринимающиеся самим ребенком. Надо отметить, что в ходе исследования не было выявлено детей с нарушениями или затруднениями в сфере половой идентификации.

В целом, результаты, полученные по методике «Рисунок человека» (гендерный аспект), доказывают, что у детей в возрасте 9–10 лет продолжается процесс становления гендерного самосознания. Поэтому так важно проводить целенаправленную работу по формированию гендерных представлений у детей

Методика С. Бем «Исследование маскулинности-фемининности личности» предназначена для диагностики гендера как психологического пола и определяет степень андрогинности, маскулинности и фемининности личности. Данная методика нами была адаптирована для детей младшего школьного возраста. В таблице 2 представлены варианты утверждений для взрослых людей и для младших школьников. При формулировании утверждений для детей мы учитывали возрастные особенности младших школьников и при этом старались не утратить смысл первоначальных авторских утверждений.

Таблица 2.

Варианты методики С.Бем для взрослых и для младших школьников

№	Вариант для взрослых	Вариант для младших школьников
1.	Верящий в себя	Когда ты что-то делаешь, ты веришь в то, что у тебя это получится?
2.	Умеющий уступать	Когда ты с кем-то споришь, можешь ли ты уступить, чтобы не поругаться?
3.	Способный помочь	Когда кому-то требуется помощь, сможешь ли ты помочь этому человеку?
4.	Склонный защищать свои взгляды	В споре с другом ты настойчиво отстаиваешь своё мнение?
5.	Жизнерадостный	Ты чаще весёлый, чем грустный?
6.	Угрюмый	Ты чаще грустный, чем весёлый?
7.	Независимый	Когда ты что-то делаешь, просишь ли ты помочь тебе кого-либо?
8.	Застенчивый	Сложно ли тебе подойти и спросить что-то у незнакомого человека?

9.	Совестливый	Когда ты совершаешь проступок, тебе становится стыдно?
10.	Атлетический	Любишь ли ты заниматься спортом?
11.	Нежный	Когда близкий для тебя человек приходит к тебе домой – ты хочешь его обнять?
12.	Театральный	Любишь ли ты выступать на сцене?
13.	Напористый	Когда ты что-то хочешь, ты делаешь всё, чтобы получить желаемое?
14.	Падкий на лесть	Нравится ли тебе, когда тебя часто хвалят?
15.	Удачливый	Часто ли тебе везёт?
16.	Сильная личность	Когда у тебя что-то не получается, пробуешь ли ты снова это сделать?
17.	Преданный	Когда ты заводишь новых друзей – старые друзья для тебя также важны?
18.	Непредсказуемый	Часто ли ты слышишь, что неизвестно что от тебя можно ожидать?
19.	Сильный	Ты сильный?
20.	Женственный	Тебе нравится играть в куклы?
21.	Надежный	Когда тебя просят что-то сделать – ты сделаешь это?
22.	Аналитичный	Перед тем как что-то сделать – ты продумываешь шаги наперёд?
23.	Умеющий сочувствовать	Если кому-то плохо – ты его пожалеешь?
24.	Ревнивый	Твой лучший друг стал больше общаться с другим человеком – ты будешь из-за этого переживать?
25.	Способный к лидерству	Можешь ли ты быть капитаном в команде?
26.	Заботящийся о людях	Когда твоя помощь кому-то нужна – поможешь ли ты, даже если этот человек тебе не нравится?
27.	Прямой, правдивый	Ты всегда говоришь правду?
28.	Склонный к риску	Тебе срочно нужно перейти через дорогу, но горит красный свет, машин нет, ни справа, ни слева – рискнёшь ли ты перебежать дорогу?
29.	Понимающий других	Можешь ли ты по внешнему виду определить настроение человека?
30.	Скрытный	Всегда ли ты обо всём рассказываешь?
31.	Быстрый в принятии решений	Перед тем как что-то сделать – ты долго над этим думаешь?
32.	Сострадающий	Ты видишь замерзающую собаку – хочешь ли ты ей помочь?
33.	Искренний	Когда ты говоришь приятные слова для человека – ты говоришь их от сердца?

34.	Полагающийся только на себя (самодостаточный)	Когда ты что-то делаешь – ты просишь помощи у других?
35.	Способный утешить	Когда кому-то плохо – ты можешь его выслушать, помочь если нужно?
36.	Тщеславный	Ты хочешь выглядеть лучшим в глазах других?
37.	Властный	На уроке окружающего мира группе твоих товарищей дали задание подготовить тему – хочешь ли тебе принимать активное участие в подготовке задания?
38.	Имеющий тихий голос	Ты обычно тихо разговариваешь?
39.	Привлекательный	Ты считаешь, что ты нравишься окружающим?
40.	Мужественный	Тебе нравится играть в «войну»?
41.	Теплый, сердечный	На уроке у одного из твоих товарищей случилась неприятность – хочешь ли тебе ему помочь?
42.	Торжественный, важный	Ты победил на соревнованиях – будешь ли ты считать себя лучшим, чем другие?
43.	Имеющий собственную позицию	Часто ли у тебя есть собственное мнение на разные проблемы?
44.	Мягкий	Ты быстро прощаешь обиды?
45.	Умеющий дружить	Стараясь ли ты сохранить дружбу?
46.	Агрессивный	Можешь вступить в драку?
47.	Доверчивый	Доверяешь ли ты свои тайны кому-нибудь?
48.	Малорезультативный	Ты немного добиваешься успехов?
49.	Склонный вести за собой	Замечаешь ли ты, что другие делают все так, как ты этого хочешь?
50.	Инфантильный	В случае возникновения проблемы ты ждешь, когда другие примут решение за тебя?
51.	Адаптивный, приспособляющийся	Если бы тебе пришлось перейти в другой класс или школу, ты быстро найдешь себе новых друзей?
52.	Индивидуалист	Стараясь ли ты в споре отстоять свое мнение?
53.	Не любящий ругательств	Ты не терпишь, если кто-то в твоём присутствии ругается?
54.	Не систематичный	Соблюдаешь ли ты режим дня?
55.	Имеющий дух соревнования	Любишь ли ты соревноваться с другими?
56.	Любящий детей	Ты любишь играть с младшими детьми?
57.	Тактичный	Можно ли сказать, что даже если тебя кто-то разозлил, ты все равно не оскорбишь человека?
58.	Амбициозный, честолюбивый	Хочешь стать директором или президентом?

59.	Спокойный	Даже когда все шумят на перемене, ты ведешь себя спокойно?
60.	Традиционный, подверженный условностям	Ты строго выполняешь инструкции учителя или родителя?

Результаты диагностики детей по методике С. Бем, представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Результаты диагностики младших школьников по методике С. Бем

	Ярко выраженная маскулинность	Маскулинность	Андрогинность	Фемининность	Ярко выраженная фемининность
Мальчики, %	30	20	15	10	25
Девочки, %	10	10	0	20	60

Как видим, более 80 % девочек имеют сформированный психологический пол (фемининный), в то время как лишь у половины мальчиков психологический пол определен как маскулинный.

Полученные данные свидетельствуют о том, что у большинства детей, принимавших участие в исследовании, процесс формирования гендерной идентичности, в целом, проходит благополучно. Однако, поскольку младший школьный возраст – один из главных периодов формирования самосознания детей, необходимо проводить целенаправленную работу по формированию у детей представлений об истинно женских и истинно мужских качествах и добродетелях.

Список литературы:

1. Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336 с.
2. Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2006. – 176 с.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СГОРАНИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Протасова Ирина Николаевна

*канд. психол. наук, доцент кафедры педагогики и психологии
Алтайской государственной академии образования*

имени В.М. Шукшина

РФ, г. Бийск

E-mail: protasovain@mail.ru

GENDER DIVERSITY IN THE STRUCTURE OF CORRELATIONS OF STUDENTS' EMOTIONAL BURNOUT AND SELF-ACTUALIZATION IN THE PEDAGOGICAL INSTITUTION

Irina Protasova

*candidate of psychology, docent Department of Pedagogy and Psychology
of the Altai State Academy of education named after V.M. Shukshin,*

Russia, Biysk

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена рассмотрению гендерных различий в структуре взаимосвязей эмоционального выгорания и самоактуализации. Целью работы является анализ особенностей вхождения в педагогическую профессию у мужчин и женщин. Для диагностики в исследовании использовались: Самоактуализационный тест (САТ), тест «Диагностика эмоционального выгорания личности». Представлены типичные для начального этапа профессионализации симптомы эмоционального выгорания, мужской и женский профили взаимосвязей эмоционального выгорания и самоактуализации.

ABSTRACT

The article is devoted to gender differences in the structure of emotional burnout and self-actualization correlations. The aim of the article is to analyze the characteristics of entering the teaching profession in men and women. For diagnosis in research the following tests are used: a self-actualization test (SAT), a test "Diagnosis of personality's emotional burnout".

Typical symptoms of the professionalization initial phase of emotional burnout, the male and female's profiles of emotional burnout and self-actualization correlations are presented.

Ключевые слова: гендерные различия; эмоциональное сгорание; самоактуализация; педагогическая практика.

Keywords: gender differences; emotional burnout; self-actualization; teaching practice.

В последние годы структура взаимосвязей эмоционального выгорания и самоактуализации вызывает большой интерес исследователей. Вместе с тем, можно отметить, что гендерные аспекты выгорания в педагогической профессии достаточно редко становятся предметом специального анализа. Хорошо известно, что педагогика не является привлекательной сферой деятельности для мужчин. Даже получив профессиональное педагогическое образование, мужчины предпочитают выбор других сфер для профессиональной самореализации. Причины этого явления могут быть связаны со спецификой ранней профессионализации у мужчин и женщин.

Первый профессиональный опыт будущие педагоги получают при прохождении педагогической практики и этот опыт потенциально психотравматичен. Продолжительность педагогической практики невелика – 7–8 недель, и в связи с этим могут возникнуть сомнения в развертывании процессов выгорания. Однако, даже у опытных педагогов отмечается эмоциональное напряжение и масштабы этого напряжения не уменьшаются по мере обретения профессионализма.

Подготовка в вузе не может обеспечить всех необходимых будущему педагогу практических умений и навыков профессионального взаимодействия. Даже у успешных студентов можно ожидать частичной дезадаптированности, эмоционального неблагополучия – почвы для начала личностных изменений.

Для нашего исследования представляют интерес данные Л.В. Сурженко об особенностях самоактуализации у преподавателей высоким и низким уровнем выгорания [3, с. 24–25]. Кроме этого, важными являются данные С.А. Наличаевой, о роли самоактуализационного потенциала личности в развитии выгорания и других неблагоприятных состояний педагогов [2, с. 22–25].

Мы полагаем, что структурные связи самоактуализации и выгорания могут быть установлены и в самом начале профессионализации, в период прохождения педагогической практики. Особый интерес представляют гендерные различия в их структуре. Именно они

могут стать объяснением большей притягательности профессии педагога для женщин, несмотря на все ее риски для эмоционального благополучия.

Исследование проводилось непосредственно после прохождения студентами педагогической практики. В исследовании принимали участие студенты разных факультетов АГАО им. В.М. Шукшина в количестве 83 человек (мужчины – 31, женщины – 52). Для диагностики в исследовании использовались: Самоактуализационный тест (САТ) Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозман, М.В. Загика и М.В. Кроз [1, с. 91–114], тест «Диагностика эмоционального выгорания личности» (В.В. Бойко в адаптации Е.П. Ильина) [4, с. 276].

Анализ результатов теста «Диагностика эмоционального выгорания» позволил заключить, что отдельные показатели в выборках, как мужчин, так и женщин, находятся в пределах, характеризующихся как складывающийся симптом. Видимо, их можно расценивать как типичные для начальной стадии профессионализации и не имеющие гендерной специфики. К такому можно отнести симптом «загнанности в клетку», симптом «неадекватного избирательного эмоционального реагирования», эмоционально-нравственную дезориентацию, симптом «редукция профессиональных обязанностей», «эмоциональный дефицит» и «эмоциональную отстраненность».

Сравнение средних показателей эмоционального выгорания и САТ в мужской и женской выборках проводилось посредством однофакторного дисперсионного анализа. Была установлена высокая однородность выборок.

Значимые различия обнаружены только по одному параметру выгорания «Психосоматические и психовегетативные нарушения», который выше в женской выборке, но в своих абсолютных значениях не достигает уровня складывающегося симптома ($F=7,99$, для $p<0,01$). Гендерные различия в показателях САТ (Самоактуализационного теста) в нашей выборке не были обнаружены. Для анализа структуры взаимосвязей шкал теста «Диагностика эмоционального выгорания» и САТ в мужской и женской выборках использовался метод Пирсона.

Показатели шкал САТ и теста «Диагностика эмоционального выгорания» связаны множеством статистически достоверных связей. Связи носят преимущественно обратный характер – высокие показатели шкал выгорания связаны с низкими значениями шкал самоактуализационного теста. Однако в ряде случаев установлены и прямые связи. Для наглядности различий в женской и мужской

выборках схожие и различающиеся связи представлены в табл. как мужской и женский профили взаимосвязей.

Таблица 1.

Мужской и женский профили взаимосвязей эмоционального выгорания и самоактуализации

Шкалы	Схожие связи		Различающиеся связи	
	Мужской	Женский	Мужской	Женский
Переживание психотравмирующих обстоятельств	-Компетентность во времени -Самопринятие	-Компетентность во времени -Самопринятие	-Шкала поддержки -Самоуважение -Сумма САТ	-Гибкость
Неудовлетворенность собой	-	-	-	-Гибкость -Самоуважение -Синергия
Загнанность в клетку	-	-	-Ценностные ориентации	+Спонтанность
Тревога и депрессия	-Компетентность во времени -Шкала поддержки -Гибкость -Самоуважение -Самопринятие -Сумма САТ	-Компетентность во времени -Шкала поддержки -Гибкость -Самоуважение -Самопринятие -Сумма САТ	-	+Ценностные ориентации
Неадекватное избирательное эмоциональное реагирование	-	-	-Сумма САТ	-
Эмоционально-нравственная дезориентация	-	-	-	+Шкала поддержки +Ценностные ориентации +Самоуважение +Контактность +Сумма САТ
Редукция профессиональных обязанностей	-	-	+Спонтанность	Компетентность во времени
Эмоциональный дефицит	-	-	+Спонтанность +Природа человека -Самоуважение	-
Личностная отстраненность (деперсонализация)	-Компетентность во времени	-Компетентность во времени	-Гибкость	-

Психосоматические и психовегетативные нарушения	-Самоуважение	-Самоуважение	- Компетентность во времени -Шкала поддержки -Сумма САТ	- Самопринятие
Сумма баллов	-Компетентность во времени	-Компетентность во времени	-Ценностные ориентации -Сумма САТ	-

Примечание: знаками «-» или «+» обозначается характер связи (прямой или обратный), прочерком – отсутствие связей

Следует оговориться, что сама по себе связь не дает возможности говорить о детерминации какого-то показателя другим или другими. По нашему мнению, скорее вероятны взаимные влияния.

Полученные нами данные о различии мужского и женского профилей взаимосвязи эмоционального выгорания и самоактуализации позволяют сделать заключение о том, что существует ярко выраженная гендерная специфика во взаимообусловленности этих показателей. Любые исследования их соотношений должны предполагать учет гендерного состава выборок.

Список литературы:

1. Алешина Е.Ю., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М., Кроз М.В. Измерение уровня самоактуализации личности // Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 91–114.
2. Наличаева С.А. Самоактуализационный потенциал личности как детерминанта профессионального выгорания педагогов Автореферат дис. канд. психол. – М. – 2011. – 26 с.
3. Сурженко Л.В. Взаимосвязь синдрома психического выгорания с ценностно-смысловой сферой личности (на примере преподавателей высшей школы). Автореферат дис. канд. психол. – Краснодар, 2014. – 26 с.
4. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института Психотерапии. 2002. – 339 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ РЕФЛЕКСИВНОСТЬЮ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЕЙ ЖЕНЩИН, ПРОЖИВАЮЩИХ КРИЗИС ЗРЕЛОГО ВОЗРАСТА

Френкель Мария Владимировна

*старший преподаватель
Омского государственного технического университета,
РФ, г. Омск*

E-mail: frenkel_m@mail.ru

CORRELATION BETWEEN REFLEXIVITY AND SELF-ACTUALIZATION OF WOMEN GOING THROUGH A MIDLIFE CRISIS

Maria Frenkel

*senior lecturer of the Omsk State Technical University,
Russia, Omsk*

АННОТАЦИЯ

В статье на теоретическом и эмпирическом уровне рассматривается вопрос о взаимосвязи между рефлексивностью и самоактуализацией женщин в период проживания ими кризиса зрелого возраста, рассматриваются существенные характеристики и предлагаются диагностические критерии данного кризиса.

ABSTRACT

In the current paper we consider theoretical and empirical aspects of the correlation between reflexivity and self-actualization of women going through a midlife crisis. In particular, we study its essential characteristics and suggest some diagnostic criteria of the crisis.

Ключевые слова: самоактуализация; рефлексивность; гендерные роли; кризис зрелого возраста.

Keywords: self-actualization; reflexivity; gender roles; midlife crisis.

Реалии современной жизни таковы, что имманентное стремление личности к самореализации, самоактуализации, встречает на своем пути массу препятствий. Препятствия эти имеют как внутренний, так и внешний характер. Вне зависимости от источника, действие

фрустраторов неизбежно приводит к росту психоэмоционального напряжения, требует затраты адаптационных ресурсов личности. А поскольку современные темпы прогресса предъявляют повышенные требования к адаптационным возможностям личности, дополнительные напряжения адаптационных механизмов грозят личности переутомлением, ухудшением функционального состояния, нервными срывами, попытками уйти от реальности любым способом, от различных форм аддиктивного поведения, до суицида. В связи с этим важным направлением исследований в психологии личности является изучение различных аспектов проблемы самоактуализации личности в современном мире.

Понятие самоактуализации невозможно рассматривать, не затронув понятия личностного роста. А в связи с этим понятием сразу встает вопрос «эталона», «идеала», к которому личность должна стремиться в своем развитии. Несмотря на то, что этот «эталонный образец» самоактуализирующаяся личность должна сформировать для себя сама, этот эталонный образ не свободен от социального влияния и формируется у личности под влиянием социальной среды, в которой та развивается.

На формирование «эталона» личностного роста большое влияние оказывают социальные ожидания, которые существуют в обществе в отношении каждой социальной роли личности.

Ни для кого не секрет, что роли, исполняемые женщинами в современном российском обществе, обладают очень большой и, нередко, противоречивой, нагруженностью. Хорошая мать должна все силы и время отдавать детям, но успешная женщина не должна ограничивать сферы своей самореализации материнством, она должна быть профессионально успешной, хорошо выглядеть, содержать в порядке дом, и т. д. Список можно продолжать и дальше. Однако профессиональная успешность также требует полной самоотдачи, для того, чтобы хорошо выглядеть, нужно уделять время уходу за собой, не переутомляться, не портить кожу и пр. Таким образом, строя «эталон» личностного развития, наши современные соотечественницы сталкиваются с проблемой выбора, в какой сфере и в какой мере они должны ограничить свои самоактуализационные притязания. Но, расставляя приоритеты и занижая требования к себе, женщина начинает чувствовать социальное давление и переживать свою несостоятельность, что часто сопряжено с переживанием вины, тревоги, разочарования. Исходя из этого, можно утверждать, что современные российские женщины часто должны прибегать к подключению дополнительных адаптационных резервов своей

личности, работая на пределе своих возможностей. Включение эго-защитных механизмов, переживание стрессов, нервных срывов может подействовать на личность неоднозначно. Для одного человека и в определенной ситуации это может послужить мощным толчком к личностному росту, для другого же может стать первым шагом на пути к глубокой дезадаптации.

Поэтому особое значение приобретает детальное изучение всех факторов, в многообразии их связей и отношений, которые оказывают позитивное, фасилитирующее, либо негативное, ингибирующее влияние на самоактуализацию личности.

Если раньше считалось, что женщины лучше справляются с повышенными психоэмоциональными нагрузками, обладая более высокими адаптационными возможностями как на психическом, так и на соматическом уровне, то сейчас, даже по косвенным данным, можно утверждать, что повышенное напряжение все чаще приводит женщин к дезадаптации. Так, например, данные медицинской статистики говорят о том, что инсульты все чаще стали встречаться у женщин 30–40 лет, около 35 лет часто возникают/обостряются различные заболевания.

Возраст 35 лет является кризисным и связан с переходом от первой (21–35) ко второй (35–55(65)) зрелости. В этом возрасте происходит переосмысление жизненных ценностей, подводятся промежуточные жизненные итоги, пересматриваются жизненные планы. Даже из житейских представлений мы знаем о существовании «кризиса зрелого возраста». Данный период развития личности связывают с повышенным напряжением, психоэмоциональной уязвимостью, повышением требований к адаптационным возможностям личности. А поскольку адаптационные возможности современных российских женщин и так часто испытываются на прочность, психологическое сопровождение женщины в период кризиса зрелого возраста является важной прикладной задачей психологической науки. В связи с этим возрастает важность глубокого понимания особенностей самоактуализации женщин в период кризиса зрелого возраста и факторов, влияющих на успешность их самоактуализации. Сами проявления кризиса среднего возраста (обращение «внутрь себя», анализ достижений, пересмотр жизненных целей и планов и пр.) говорят о том, что самоактуализация личности в этот период должна иметь свои особенности. Однако современных исследовательских данных об этих особенностях немного, и они носят неполный, фрагментарный характер, являясь побочными результатами исследований других, близких проблем. Основные вопросы, которые

мы ставили перед собой в данном исследовании следующие: каковы сущностные характеристики, содержание и диагностические критерии кризиса зрелого возраста? Каковы особенности самоактуализации современных российских женщин в период проживания кризиса зрелого возраста? Какое влияние оказывает рефлексивность на самоактуализацию женщин в этот сложный кризисный период их жизни?

Несмотря на наличие множества спорных моментов в понимании сущности, содержания кризиса зрелого возраста, можно выделить несколько сущностных характеристик данного феномена, разделяемым подавляющим большинством исследователей: во-первых, кризис зрелого возраста, это возрастной кризис. Следовательно, в его основе лежат как биологические, так и социальные и психологические детерминанты. На биологическом уровне изменения состоят в «повороте» к старению. На психологическом уровне кризис среднего возраста представляет собой экзистенциальный кризис. В своей основе он имеет осознание конечности существования и связан с решением человеком экзистенциальных проблем. Отличительной особенностью данного кризиса является его возможная «цикличность» – в отсутствие продуктивного преодоления, экзистенциальные переживания, свойственные данному периоду, могут быть на время подавлены, вытеснены личностью, а затем вернуться, и проживание личностью повторится (или продолжится). Продуктивное преодоление кризиса зрелого возраста приводит к достижению личностной зрелости, которая является необходимым условием самоактуализации личности. Таким образом, кризис зрелого возраста может рассматриваться и как «кризис самоактуализации личности».

В качестве диагностических критериев, позволяющих установить факт актуального проживания личностью кризиса зрелого возраста, могут быть использованы: во-первых, – наличие экзистенциальных переживаний, во-вторых – высокий уровень психоэмоциональной напряженности.

Для понимания специфики проживания кризиса зрелого возраста женщинами необходимо обратиться к содержанию понятий «гендерные роли», «гендерные идеалы» и «гендерные стереотипы» в нашем обществе, которые и по сей день являются и «размытыми», как бы недосформированным, и противоречивыми. Так, на уровне гендерных стереотипов, женщины должны демонстрировать подчиненность, заниматься обустройством быта, созданием семейного уюта, воспитывать детей. Однако, идеальные представления об успешной, преуспевающей женщине совершенно иные. Идеальная успешная женщина должна быть активной, инициативной, предприим-

чивой, внешне привлекательной, ухоженной, независимой. При совмещении этих идеальных представлений с ролевыми ожиданиями, одна должна быть одновременно и идеальной хозяйкой, партнершей, матерью. Но ведь быть идеальной во всем невозможно... И женщина встает перед выбором.

Первые выборы между идеальными представлениями и стереотипами и ролевыми ожиданиями женщины делают задолго до кризиса зрелого возраста. Однако осознанный выбор жизненного пути, достижение истинной независимости, приходится именно на рассматриваемый нами период. И без того сложный экзистенциальный выбор, таким образом, осложняется у женщины необходимостью разрешения гендерных противоречий. Обретение независимости, самостоятельный выбор жизненного пути вызывает нередко негативную оценку со стороны социального окружения. В таких условиях для успешного преодоления кризиса от женщины требуется... большое мужество, чтобы, преодолевая социальное давление, давление интериоризированных социальных норм и установок, выбрать свой собственный жизненный путь и двинуться по пути самоактуализации.

Для преодоления кризиса зрелого возраста большое значение имеет рефлексивность (как психическое свойство, выражающееся в склонности и способности к рефлексии как процессу и состоянию) [3]. Рефлексивные свойства связывают с функцией саморегулирования и контроля развития [2], [5]. Таким образом, рефлексивность представляет для нашего исследования особый интерес, поскольку данное свойство личности оказывается связанным с самоконтролем, саморегуляцией развития. То есть рефлексивность связана с самоактуализацией личности. Однако характер этой связи сложен и неоднозначен. А.В. Карпов выделяет разные модусы рефлексии: рефлексия как психический процесс, как психическое свойство и как психическое состояние. Являясь сложным синтетическим образованием, рефлексия не может быть сведена ни к одному из выделенных модусов. Именно синтез всех модусов составляет качественную определенность рефлексии. Таким образом, мы не можем использовать понятия «рефлексия» и «рефлексивность» как тождественные [3]. Поскольку рефлексия является более емким понятием, может возникнуть вопрос, не лучше ли было рассмотреть влияние рефлексии на самоактуализацию личности? Однако, поскольку в своем исследовании мы опираемся на концепцию самоактуализации А. Маслоу, который утверждает, что на самоактуализацию личности влияет наличие у нее

определенных черт, свойств, мы остановили свой выбор именно на рефлексивности, на личностном свойстве.

Результаты эмпирического исследования (применялись методики ПЭН [4], САТ [1], методика диагностики рефлексивности А.В. Карпова [3]), проведенного нами на выборке из 75 женщин, проживающих кризис зрелого возраста, позволили сформулировать следующие выводы:

1. Уровень самоактуализации у женщин в период кризиса зрелого возраста соответствует нижней границе среднестатистической нормы. Показатели самоактуализации по отдельным шкалам варьируют в пределах от средних до низких показателей. Высокого уровня среднее значение самоактуализации в исследуемой группе не достигает ни по одной шкале. Таким образом, мы можем констатировать, что для женщин, переживающих кризис зрелого возраста, характерны невысокие показатели самоактуализации. Такие данные согласуются с теоретическими представлениями А. Маслоу о том, что самоактуализации достигают только истинно зрелые личности. Личностная зрелость становится результатом продуктивного преодоления кризиса зрелого возраста, в процессе проживания кризиса она еще не достигнута.

2. Низкие показатели самоактуализации у женщин в период кризиса зрелого возраста отмечаются по шкалам «Познавательные потребности», «Креативность», «Самопринятие», «Принятие агрессии». Сниженными у женщин в период кризиса зрелого возраста являются показатели по следующим шкалам «Гибкость поведения» и «Ориентация во времени». На уровне средних значений находятся показатели по шкалам «Контактность», «Поддержка», «Спонтанность», «Синнергичность», «Взгляд на природу человека», «Сензитивность», «Самоуважение», «Ценностные ориентации». Вероятными объяснениями таких особенностей самоактуализации у женщин в период кризиса зрелого возраста являются гендерные особенности, содержание, природа кризиса зрелого возраста, специфика эмоциональной сферы в этот период.

3. У женщин со средним уровнем рефлексивности показатели самоактуализации оказались следующими:

- общий показатель самоактуализации у всех респонденток этой подгруппы оказался на уровне средних значений.
- очень низких, как и очень высоких показателей по отдельным шкалам наблюдалось мало (менее 25%), преобладали средние показатели.

- низким оказалось среднее арифметическое оценок в данной подгруппе только по шкале «Познавательные потребности».
- сниженными оказались средние арифметические по шкалам «Принятие агрессии», «Креативность», «Самопринятие».
- остальные средние значения показателей отдельных шкал в данной подгруппе лежат в пределах средних нормативных значений.

Таким образом, у женщин со средним уровнем рефлексивности уровень самоактуализации обычно тоже средний.

4. У женщин с низким уровнем рефлексивности показатели самоактуализации были следующими:

- общие показатели самоактуализации у всех испытуемых данной подгруппы находятся в интервале сниженных и низких значений.
- очень высокие значения шкал самоактуализации отмечены лишь у 1 респондентки и отражают скорее актуальные потребности данной испытуемой, нежели реальное положение вещей.
- оценки испытуемых этой подгруппы по отдельным шкалам преимущественно низкие (более 50% низких оценок).
- среди среднегрупповых оценок лишь оценки по шкалам «Ценностные ориентации» и «Самоуважение» лежат в интервале нормативных средних показателей.

Таким образом, для женщин с низким уровнем рефлексивности характерен и низкий уровень самоактуализации, и лишь такие стороны как «самоуважение» и «ценностные ориентации» находятся на среднем уровне.

5. У женщин с высоким уровнем рефлексивности особенности самоактуализации оказались следующими:

- общий уровень самоактуализации у женщин с высоким уровнем рефлексивности чуть ниже среднего.
- наибольшие отличия этой подгруппы от остальных составляют показатели отдельных шкал самоактуализации: очень низкая креативность сочетается с высокими показателями ориентации во времени осознания собственных ценностных ориентаций и эмоциональных проявлений. Высокие показатели соотносятся с представлениями о высокой рефлексивности личности. Что касается столь низких показателей по шкале креативности, возможным объяснением этому является осознание актуального противоречия между потребностью и существующими возможностями творческого поиска.
- высокий уровень дифференцированности оценок различных аспектов, связанных с самоактуализацией.

6. Существует прямая (возможно – нелинейная) зависимость между уровнем рефлексивности и общим уровнем самоактуализации личности. Корреляционный анализ связей рефлексивности с отдельными шкалами самоактуализации показал:

- существует сильная прямая взаимосвязь между уровнем рефлексивности и шкалой «Ориентация во времени».
- существует сильная прямая взаимосвязь между уровнем рефлексивности и шкалой сензитивности.
- существует сильная прямая взаимосвязь между уровнем рефлексивности и шкалой контактности у женщин в период кризиса зрелого возраста.
- существует слабая прямая связь между уровнем рефлексивности и шкалой «Ценностные ориентации».
- о слабой связи (или о тенденции) можно говорить и в отношении шкалы «Принятие агрессии».

7. Анализ статистической значимости групповых различий показал:

- уровень синнергичности у испытуемых со средним уровнем рефлексивности значимо выше, чем у испытуемых с низким уровнем рефлексивности.
- уровень синнергичности у испытуемых со средним уровнем рефлексивности вероятно выше, чем у испытуемых с высоким уровнем рефлексивности.
- уровень показателей по шкале «Взгляд на природу человека» у испытуемых со средним уровнем рефлексивности вероятно выше, чем у испытуемых с высоким и низким уровнями рефлексивности.
- уровень показателей по шкале «Поддержка» у испытуемых со средним уровнем рефлексивности вероятно выше, чем у испытуемых с высоким уровнем рефлексивности.

То есть у нас есть основания предполагать наличие нелинейной взаимосвязи между рефлексивностью и такими показателями самоактуализации как «Поддержка», «Синнергичность» и «Взгляд на природу человека».

Список литературы:

1. Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. Спецпрактикум по социальной психологии: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского университета, 1987. – С. 91–114.
2. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. Текст. / Б.Г. Ананьев. – Л., 1980. – 350 с.

3. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики.// Психологический журнал. – 2003. – Т. – 24. – № 5. – С. 45–57.
4. Копина О.С., Сулова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников.// Вопросы психологии, – №3, – 1995, – С. 199–132.
5. Леонтьев Д.А. Аверина А.Ж. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 2(16). [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 14.03.2015).

СЕКЦИЯ 2.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ПЕДАГОГИКЕ

МОДЕЛЬНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПЕДАГОГИКА»: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Бутурлим Татьяна Ивановна

*канд. пед. наук, преподаватель
Нежинского областного педагогического лицея
Черниговского областного совета,
Украина, г. Нежин
E-mail: tanya_buturlim@mail.ru*

MODEL APPROACH TO STUDY OF ACADEMIC DISCIPLINE «PEDAGOGICS»: GENDER ASPECT

Tatiana Buturlym

*candidate of pedagogic sciences,
teacher of Nizhyn Region Pedagogical lyceum of Chernihiv Region Advice,
Ukraine, Nizhyn*

АННОТАЦИЯ

Целью статьи есть описание модельного подхода при изучении учебной дисциплины «Педагогика». Автор отмечает важность осуществления гендерного воспитания студентов.

ABSTRACT

The aim of the article is description of a model approach in study of academic discipline «Pedagogics». The author points out the importance of students' gender education.

Ключевые слова: модельный подход; учебно-воспитательный процесс; гендерная культура.

Keywords: model approach; educational process; gender culture.

В педагогической деятельности важно образно представлять процесс учебы и воспитания, а главное – ожидаемый результат. Поможет преподавателю в этом вопросе *модельный подход*, который стоит рядом с деятельностным, интегративным, системным, синергетичным, структурным, личностно сориентированным. Данный вопрос исследовали В. Загвязинский, Г. Ильин, Л. Ительсон, М. Кларин, И. Логвинова, Н. Талызина, В. Штофф и др.

Моделирование (за Н. Клокар) – это метод познания, который состоит с процесса создания, исследования, использования моделей. Его этапами есть создания модели, исследование модели, формирование выводов, практическая проверка сделанных выводов [2]. Главным достоинством моделирования – целостность представления информации. *Педагогическое моделирование* (Н. Клокар) – это воссоздание педагогических и психологических явлений и процессов, их характеристик, а также субъектов образования с помощью реальных или идеальных моделей [2]. Следует обратить внимание на то, что понятие «модель» не равняется понятиям «методика», «технология», «система», «концепция»: модель – мысленно представлена или материально реализованная система идеальных объектов, структур, изучение которой дает новую информацию об объекте (В. Штофф) [3]. *Модель обучения* (Н. Клокар) – систематизированный комплекс основных закономерностей деятельности преподавателя и студентов [2].

В ходе изучения учебной дисциплины «Педагогика» *диалог субъектов учебно-воспитательного процесса* можно представить так (см. рис. 1):

Моделирование системы необходимых для студентов знаний, умений, навыков, конструктивных личностных качеств заключается в том, что преподаватель формирует в студентов знания соответственно к модулям («Общие принципы педагогики. История педагогики. Возрастная педагогика. Теория и методика воспитания», «Теория образования и обучения»), а также воспитывает коммуникабельность, самостоятельность, ответственность, умение рационально распределять свободное и учебное время, компромиссность, толерантность, высокодуховность, положительное мышление, конкурентно-способность, стремление к самоорганизации, самоконтролю, потребность в самопознании, усовершенствовании, самореализации и т. п. *Моделирование потребностей в усовершенствовании знаний, умений, навыков, личностных качеств студентов* осуществляется такими путями: рейтинг оценки качества учебной и дополнительной работы; рейтинг штрафной; итоговая аттестация; использование

раздаточного материала, оценочных карточек с положительными аффирмациями, карточек успешности студента (фиксация набранных баллов за посещение лекций, устные ответы, дополнения, письменные работы на практических занятиях, модульные контрольные работы, самостоятельная работа дома); интерактивность методов и форм обучения, воспитания на лекционных и практических занятиях; приведение интересных фактов с педагогики обучения, воспитания; установление взаимосвязи с жизнью и т. п.

Рисунок 1. Модель взаимодействия преподавателя и студентов

Моделирование учебно-воспитательной деятельности студентов (под руководством преподавателя, самоучеба/самовоспитание) реализуется с помощью таких методов и форм: лекция с использованием наглядности, раздаточного материала; репродуктивная и эвристическая беседа; самостоятельная работа дома и на практических занятиях; интерактивные упражнения: «Соответствия», «Заполнение пропусков», «Продолжение предложения», «Ключевые слова», «Педагогические загадки», «Эмоциональный настрой», «Релаксация», «Положительная аффирмация», «Я-утверждение», анализ педагогических ситуаций, ролевые игры, ассоциативные и творческие задания; создание программы самоусовершенствования на основании осознания собственного «Я» и т. п. Студенты на этапе

моделирования системы действий относительно усвоения знаний, умений, навыков, развития конструктивных личностных качеств используют активное слушание, осмысление лекционного материала, докладов однокурсников; берут участие в беседах репродуктивного и эвристического характера; активно включаются в исполнение интерактивных учебно-воспитательных заданий; готовят доклады во внеурочное время; самостоятельно выполняют аудиторские и домашние письменные задания; систематически и сознательно познают, усовершенствуют, реализуют себя и т. п.

Моделирование рефлексивной деятельности преподавателя осуществляется через рефлексии готовности к контакту с аудиторией; самоанализ подготовленных и проведенных лекций, практических занятий; осмысление уровня педагогического мастерства; самоанализ особенностей построения взаимоотношений со студентами; рефлексия собственного вклада в формирование качеств гармонической личности учащихся и т. п. Студенты со своей стороны на этапе *моделирования самоанализа учебной успешности и процесса воспитания собственного «Я»* осуществляют самоконтроль за количеством набранных баллов на протяжении изучения курса педагогики; самоанализ уровня готовности к практическим занятиям, написанию модульных контрольных работ, итоговой аттестации; рефлексии презентации собственной подготовленности к занятиям, уровня знаний и умений и т. п.

В процессе построения диалогических отношений между преподавателем учебной дисциплины «Педагогика» и студентами важно учитывать **гендерный аспект**. Для того, чтобы повысить уровень гендерной культуры [1] студентов, нужно реализовать следующие задания: развивать положительное отношение к гендерной равенности путем бесед относительно места мужчины и женщины в украинской культуре, переосмысления гендерной картины мира в художественных текстах писателей-педагогов, проектирования сформированных гендерных ценностей, знаний, умений на межличностные отношения с лицом противоположного пола; способствовать познанию гендерного «Я» через соотношение гендерного сознания педагогов-просветителей с собственными представлениями о гендере; формировать способность переосмысливать гендерные чувства, мысли, действия путем сопоставления собственных гендерных ценностей с гендерными ценностями педагогов-просветителей, персонажей педагогических ситуаций; развивать потребность в гармонизации отношений с мужчиной/женщиной путем гендерного анализа предложенных педагогических ситуаций, наследование конструктивных

вариантов гендерного позиционирования в мире и стремление не воссоздавать гендерную иерархию в личной жизни; формировать чувства справедливости, уважение к правам других, способность противостоять проявлениям интолерантности путем анализа гендерной асимметрии в учебно-воспитательном процессе; формировать умение осуществлять конструктивную гендерную коммуникацию путем конструирования идеального варианта деловых отношений между разнополюми субъектами учебно-воспитательного процесса, формирования итогов относительно гендерного позиционирования в стереотипной среде, проектирование такой модели поведения персонажей педагогических ситуаций, которая будет способствовать достижению гендерной гармонии студентов.

Итак, представление учебно-воспитательного процесса в виде модели облегчает построение конструктивных отношений между педагогом и студентами на уровне передачи знаний, формирования умений и навыков, воспитания положительных личностных качеств, рефлексии собственной деятельности. Учет гендерного аспекта дает возможность воспитать личность, способную сознательно согласовывать феминные и маскулинные качества, конструировать гармонические отношения с партнером противоположного пола.

Список литературы:

1. Бутурлим Т.І. Формування гендерної культури старшокласників у процесі вивчення української літератури: дис. на здобуття наук. ступеня канд. пед. наук: спец. 13.00.07 «Теорія і методика виховання» / Т.І. Бутурлим; Інститут проблем виховання НАПН України. – Київ, 2013. – 400 с.
2. Клокар Н.І. Андрагогічна модель підвищення кваліфікації педагогів на засадах диференційованого підходу / Н. Клокар // Післядипломна освіта в Україні. – 2008. – № 2. – С. 23–28.
3. Штофф В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М.-Л.: Наука, 1966. – 304 с.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Маркова Анна Вячеславовна

*канд. пед. наук, доцент кафедры педагогики
Северного Арктического федерального университета
им. М.В. Ломоносова,
РФ, г. Архангельск
E-mail: dannav1975@mail.ru*

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF FORMATION OF GENDER IDENTITY OF STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Anna Markova

*associate professor of the department of pedagogy
of Northern (Arctic) Federal University named M.V. Lomonosov,
Russia, Arkhangelsk*

АННОТАЦИЯ

В статье представлена характеристика условий профессионально организованной образовательной среды, обеспечивающей формирование гибкой гендерной идентичности.

ABSTRACT

The article presents the characteristic of professionally organized educational environment, providing the development of a flexible gender identity.

Ключевые слова: гендерная идентичность; гендерная компетентность педагога; гендерно-комфортный уклад школы; педагогическая поддержка индивидуальности детей разных гендеров; гендерное просвещение учащихся.

Keywords: gender identity; gender competence of the teacher; gender-comfortable way of school; pedagogical support of personality of children of different genders; gender education students.

Трансформация представлений о взаимоотношениях мужчин и женщин в контексте социума способствовала поиску новых путей развития целостной личности в отечественной системе образования. В силу данного обстоятельства педагогические исследования все активнее обращаются к механизмам развития мужской и женской индивидуальности в обучении и воспитании, формированию гендерной идентичности как способности (или неспособности) субъекта ограничить себя рамками моделей, предложенных ему для самоидентификации.

И.С. Кон выделяет три точки зрения на вопрос влияния гендерной идентичности на психологическое благополучие человека. Традиционная модель полагает, что наиболее успешными будут люди, гендерная идентичность которых соответствует их половой принадлежности. Вторая исходит из предпочтения маскулинности для обоих полов. Ряд авторов считают оптимальной андрогинию, как расширение границ гендерного репертуара, обеспечивающую личности большие возможности самореализации (С.Л. Бэм, И.С. Кон, Е. Мелибруда, В.М. Погольши, С.А. Ушакин, Л.П. Шустова и др.). В качестве примера конструктивной социализации признаем андрогинную личность, вбирающую все лучшее из обеих половых ролей и демонстрирующую многообразие проявлений в зависимости от изменяющихся социальных ситуаций. Считаем, что это способствует более полному развитию социально-психологического потенциала, позволяющему оптимально адаптироваться к окружающей обстановке и изменять ее. Итак, гибкость гендерной идентичности ведет к пластичности поведения, а жесткое, строгое следование стереотипам – к возможности внутрилличностного конфликта.

Система школьного образования оказывает непосредственное влияние на становление той или иной модели гендерной идентичности воспитанников. Формирование андрогинной личности предполагает развитие у детей осознанного отношения к гендерным стереотипам, ценностных установок на принципах эгалитаризма, готовности мальчиков и девочек принимать различные модели гендерной идентичности, способности видеть в «другом» человека с иным мировоззрением, логикой мышления, культурой, чувствами и уважать их, умение оценивать мир с разных сторон. Следует подчеркнуть, что одной из целей образовательного процесса является целостное развитие личности, а без познания и принятия двуединства мужского и женского начал в каждом ребенке нельзя добиться успехов.

Анализ отечественной педагогической практики свидетельствует, что опыт целенаправленной профессионально организованной

деятельности, предполагающей формирование гендерной идентичности, практически отсутствует. Родители, педагоги, сверстники чаще всего стихийно приобщают к системе стереотипных гендерных ценностей, ориентируют на формирование жесткой гендерной идентичности в отношении полов. Стереотипизация ограничивает возможности самореализации полов, проявления активности, познания и самоутверждения. Так, многие дети испытывают трудности в отношении нестандартов поведения. Фемининные мальчики отвергаются однополой группой, а маскулинных девочек легче принимают мальчики, чем сверстницы. У детей (чаще у мальчиков) это отвергание иногда принимает форму травли, а низкий статус таких детей сохраняется на протяжении всей школьной жизни [4, с. 67]. Полагаем, что устойчивость стереотипов, проникающих в гендерную схему детей, навязывание полотицизированных образов средствами массовой информации, требует внимания к гендерному образованию, к организации целенаправленной деятельности. На основе анализа идей гендерного подхода, особенностей образовательного процесса и становления гендерной идентичности выделяем следующие педагогические условия: гендерная компетентность педагога, гендерно-комфортный уклад школы, педагогическая поддержка индивидуальности детей разных гендеров и гендерное просвещение учащихся.

Обусловленная изменением положения и ролей женщин и мужчин, сменой стереотипов гендерная компетентность педагога является существенным компонентом профессионализма современного педагога. При разнообразии точек зрения на сущность и содержание гендерной компетентности педагога их объединяет включение в ее структуру знаний о сущности гендерного подхода в образовании и понимание ее в качестве условия высокой квалификации педагога (Л.А. Булатова, И.А. Загайнов, Е.Н. Каменская, И.С. Клецина, Л.Ю. Орлова, С.В. Рожкова, Г.И. Шатон и др.). Гендерная компетентность педагога определяется, как умение интегрировать психологические, педагогические знания о сущности гендерного подхода в образовании и осуществлять гендерную стратегию в организации педагогического процесса для решения практических задач обучения, воспитания, обеспечивающие высокий уровень профессионального гендерного самопознания [3, с. 49]. Она обеспечивает единство понимания, принятия разнообразных проявлений гендерной идентичности, с одной стороны, и организацию эгалитарного учебного процесса, с другой. Считаем данное педагогическое условие системообразующим и детерминирующим создание и эффективность последующих условий.

В ситуации неорганизованности образовательного процесса в отношении формирования гендерной идентичности большое значение приобретает организация компетентными педагогами гендерно-комфортного уклада школы. Он понимается как особое воспитательно-образовательное пространство, создающееся под влиянием скрытых факторов содержания образования и воздействующее на процесс формирования гендерной идентичности школьников [2, с. 13]. Гендерно-комфортный уклад школы позволяет организовать социальную ситуацию развития на принципах эгалитаризма, создавать возможности для самореализации детей в учебной и внеучебной деятельности и способствует многообразию проявлений гендерного поведения девочек и мальчиков. Итак, воздействие обозначенных принципов дает возможность ребенку актуализировать и закреплять в образовательном процессе формирующиеся способы гендерного поведения.

Исследования особенностей становления гендерной идентичности показывают, что школьники испытывают сложности во взаимоотношениях со сверстниками, вызванные наличием жестких рамок половой типизации поведения. Неприятие «нестандартных» детей способствует их дезадаптации в школе, замкнутости, отказу от способностей. Поэтому необходима педагогическая поддержка индивидуальности детей разных гендеров, направленная на формирование культуры взаимоотношений полов, нивелирование гендерных установок в общении детей. Она рассматривается как система педагогической деятельности, раскрывающая аспекты личностного потенциала учащегося и включающая помощь, содействие, стимулирование, консультирование в преодолении гендерных стереотипов и трудностей [2, с. 15]. Педагогическая поддержка индивидуальности детей разных гендеров предполагает формирование гендерной толерантности младших школьников на принципах эгалитаризма. Это побуждает к взаимопониманию, доверию, взаимоуважению педагогов и детей, девочек и мальчиков. Считаем, что соблюдение данного педагогического условия способствует эмоциональному комфорту в коллективе, восприятию себя «настоящими» девочками или мальчиками, адекватной самооценке, уверенности в своем гендерном поведении и социальных функциях, которые они выполняют сейчас и будут выполнять в будущем.

Эффективность деятельности педагогов будет недостаточна, если упустить из вида активность самих детей в формировании исследуемого компонента личности, поскольку ребенок сам конструирует гендер на уровне сознания. Включенность когнитивных механизмов сознания закладывает основу гендерных стереотипов. Они не всегда

совпадают с собственными задатками и склонностями детей и приводят к конкретным трудностям. Поэтому неотъемлемым педагогическим условием формирования гендерной идентичности выступает гендерное просвещение учащихся посредством тематических спецкурсов. Их содержание ориентировано на конкретные проблемы, имеющие гендерный аспект. Это объяснение природы стереотипов, которые мешают успешному развитию личности ребенка, взаимоотношениям сверстников в однополых и разнополых группах, отношение учителей к девочкам и мальчикам, дружба, первая любовь, агрессия и насилие. Обучение предусматривает анализ конкретных гендерных ситуаций, групповые дискуссии по гендерным проблемам, применение игровых методов и методов создания ситуации выбора, совместную и дифференцированную по признаку пола групповую работу, введение широкого иллюстративного материала.

«Несексистские, освобожденные от гендера» программы спецкурсов могут включать две стратегии, предложенные С. Бэм [1, с. 299]. Первая стратегия состоит из приемов, направленных на объяснение различий между полами не на основе внешних признаков (одежда, стиль поведения), а на основе биологических факторов. Вторая – предложение девочкам и мальчикам альтернативной гендерной схемы, с помощью которой возможно интерпретировать культурные понятия о поле. Примерные виды альтернативных схем: акцентирование индивидуальных, а не половых различий (не девочки любят наряжаться, а Маша любит наряжаться); культурный релятивизм (в некоторых обществах наряжаются и украшают себя мужчины, а не женщины); схема сексизма (раньше была явно выраженная дискриминация в обучении мальчиков и девочек по признаку пола, а сейчас официально нет). В результате гендерного просвещения, считает Н.Л. Пушкарева, на смену старому образу «агрессивного мужчины – самца» придет мужчина умный, понимающий, сочувствующий, заботливый, а женщины перестанут бояться своей талантливости и смогут в полной мере реализовать природный потенциал. Соблюдение данного педагогического условия дает возможность влиять на гендерную чувствительность исследуемого компонента личности, способствует осознанному восприятию и анализу гендерных стереотипов, а не следование им.

Таким образом, организация целенаправленной деятельности на основе гендерного подхода в педагогике направлена на помощь в преодолении гендерных трудностей и управлении формированием гендерной идентичности школьников. Эффективность выделенных педагогических условий обеспечивает переход к новому уровню

целостности связанной с полом системы измерения социального мира с сохранением ее эволюционных возможностей. Именно эти изменения и обуславливают формирование андрогинной личности школьников в образовательном процессе.

Список литературы:

1. Бэм С.Л. Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов = The lenses of Gender. Transforming the debat on sexual inequalitiy: пер. с англ. / Ин-т соц. и гендер. политики. – М.: РОССПЭН, 2004. – 314 с.
2. Дресвянина А.В. Формирование гендерной идентичности младших школьников в образовательном процессе: Автореф. дис. канд. пед. наук. – Архангельск, 2010. – 23 с.
3. Каменская Е.Н. Гендерный подход в педагогике: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Ростов н/Д., 2006. – 62 с.
4. Столярчук Л.И. Полоролевая социализация школьников: теория и практика воспитания: монография/ Волгоград: «Перемена», 1999. – 275 с.

СЕКЦИЯ 3.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ИСТОРИИ

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Бояринова Полина Александровна

аспирант Томского Государственного Университета,

РФ, г. Томск

E-mail: sampo-holder@ya.ru

NEW DIRECTIONS IN GENDER HISTORY

Polina Boyarinova

graduate student of Tomsk State University,

Russia, Tomsk

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена осмыслению направлений развития современной гендерной истории. Автор рассматривает как феминистская философия, женская история и постмодернистская философия повлияли на возникновение и развитие представлений о гендерной истории. Один из важных моментов – причины возникновения и отделение гендерной истории от женской и феминистской. На примере нескольких монографий показано, как сочетаются гендерный подход с другими историческими субдисциплинами и методологиями.

ABSTRACT

This article explores the new trends in gender history. The author explores how gender history has been developing under the influence of women's history and feminist and postmodern philosophy. Farther the author discusses main causes of separation gender history from women's history. To demonstrate examples new directions in gender history there are several historical researches are reviewed to show how gender approach combines with other historical subdisciplines and methodologies.

Ключевые слова: гендерная история; гендер; женская история.

Keywords: gender history; gender; women's history.

Зарождение гендерная истории и её методологии пришлось на середину 1980-х–1990 годов. На развитие философии и методологии гендерных исследований в этот период оказали влияние такие явления как «лингвистический поворот» и рождение философии постструктурализма и постмодернизма. Каждое из этих явлений имеет свои собственные теоретические основы, однако все они могут рассматриваться как часть одного общего процесса развития гуманитарных дисциплин.

Эти явление (каждое в отдельности и все вместе) в первую очередь позволили историкам задуматься над основаниями исторической дисциплины и пересмотреть их в постмодернистском ключе. Новое понимание истории зиждется на том, что всё наше знание о прошлом – есть не что иное, как конструкция.

Историки собирают различные следы, оставшиеся от прошлого, своеобразные улики, которые мы называем «документами». Но одного сбора документов недостаточно, чтобы создать хоть сколь бы то ни было логичную и связную картину прошлого, в которой нуждается человек. Потому, хочет того историк или нет, он собирает документы и интерпретирует их определённым образом, превращая разрозненные «улики», следы прошлого, документы в факты, объединённые в некоем общем повествовании.

Таким образом, наш подход к пониманию истории, как описанию «прошлого, каким оно, собственно, было», перестал быть актуальным, когда философы и историки оценили степень вмешательства в процесс реконструкции прошлого, посредством создания новых смысловых «слов» (включая влияние языкового кодирования и т. п.).

Постмодернистское толкование истории как продукта деятельности историка привело к оценке важности не только того, какие ответы дают исследователи, изучая документы, но и какие вопросы они задают и почему. Произшедший переворот «открыл путь для возникновения множества взглядов на исторический процесс, потому что прошлое не могло быть реконструировано окончательно и во всех деталях» [9, с. 102–103]. Это даёт возможность для бесконечного пересмотра, оспаривания уже существующей, написанной истории, а также возможности задать новые вопросы, исследовать новые области человеческой жизнедеятельности в прошлом. Чёткое выражение идей постмодернизма в философии истории стало, своего рода, завершающим этапом процессов, которые

развивались ещё в начале XX века. Ещё Фернан Бродель считал, что «история – это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения – прошлых, настоящих и будущих» [2, с. 128].

Перед тем, как очертить новые направления в гендерной истории, стоит в общих чертах рассмотреть, каким образом пересеклись история, гендер и постмодернизм.

Ряд исследователей во главе с Кэтлин Каннынг вполне справедливо считают, что центральную роль для развития гендерной истории сыграла феминистская женская история [7, с. 63–64]. В 1970–80-е годы исследователи-феминистки отвергли идеи биологического эссенциализма, как не способные объяснить происхождение полового неравенства, и выдвинули идею о социальном конструировании полового и сексуального неравенства.

Гендерная история занимает критическую позицию по отношению к «традиционной истории», делая упор на то, что до «гендера» субъектами исторического процесса (относительно которых оценивалась значимость событий и выбиралась их трактовка) были белые мужчины, которые в трактовке «традиционной истории» (как и всей патриархальной системы) не имели расы, пола (гендера) и даже телесности. Поскольку мужская телесность оценивалась как эталонная, то ей не придавалось значения, что отметила ещё Симона де Бовуар во «Втором поле»: «У меня всегда вызывало раздражение, когда в ходе отвлеченной дискуссии кто-нибудь из мужчин говорил мне: «Вы так думаете, потому что вы женщина». Но я знала, единственное, что я могла сказать в свою защиту, это: «Я так думаю, потому что это правда», устраняя тем самым собственную субъективность. И речи не могло быть о том, чтобы ответить: «А вы думаете по-другому, потому что вы мужчина», ибо так уж заведено, что быть мужчиной не значит обладать особой спецификой» [1, с. 6]. Женщина понималась как подверженная плотским желаниям, природным инстинктам, неконтролируемым эмоциям, вызванным влиянием гормонов. В то время как желания, инстинкты и гормоны мужчины не рассматривались в качестве играющих какую-либо роль факторов, чем, собственно, и устранялась мужская телесность из культуры.

«Лингвистический поворот» привёл к тому, что часть историков-феминисток решили использовать дискурсивный анализ для исследования источников, чтобы показать, как язык и культурные нормы конструируют гендер и как этот конструкт видоизменяется с течением исторического процесса. Они воспринимали язык и дискурс

в качестве составляющих исторической реальности (то есть не только как отражающие историческую реальность, но и конструирующие её).

Мнения исследователей по вопросу влияния языка на историческую реальность разделились. Часть считали, что излишний уклон в дискурсивный анализ создаёт ощущение, что реальности прошлого как таковой не существует вне текста [4, с. 205–206].

Эти дискуссии были спровоцированы постмодернистской и постструктуралистской философией – в основном идеями Мишеля Фуко и Жака Деррида [9, с. 104]. Имя Жака Деррида в первую очередь ассоциируется с деконструкцией, как методом чтения и понимания текстов. В свою очередь Мишель Фуко внёс огромный вклад в исследование истории сексуальности через практики подчинения и власти. Постструктуралистский характер идей Фуко заключался в том, что власть представлялась не локализованной и производимой конкретными институтами или группами индивидов, а скорее в качестве связанной общей логикой сети структур и элементов. И эта общая логика производилась социальным законом.

Центральной фигурой для развития непосредственно гендерной истории считается Джоан Скотт, которая первой начала писать о теоретических основах гендерного подхода в истории, опираясь на идеи Фуко и Деррида. Скотт указывала на две большие проблемы женской истории и феминистской философии. Во-первых, это восприятие «женской истории», как незначительной (что предполагало незначительность женщины как субъекта истории). Во-вторых, политизация женских исследований через неразрывную связь с феминистским движением [6, с. 14].

Основная идея Джоан Скотт была в том, что женская история гендерезирует женский субъект, но оставляет нетронутым мужской, а чтобы получить системный взгляд на историю в разрезе полового и сексуального различия, нужно использовать общую категорию стратификации – гендер [10, с. 28–29].

При этом Скотт отдавала предпочтение дискурсивному анализу, так как считала, что нормы мужественности и женственности в первую очередь сконструированы с помощью языка [8, с. 186].

Статья Скотт «Гендер – полезная категория исторического анализа» породила очередной раскол, поделив исследователей-постмодернистов на тех, кто встал на сторону Скотт в попытках создать исключительно гендерную историю и тех, кто изъявил желание найти «срединный путь». Компромиссный вариант развития методологии гендерной истории стал самым продуктивным [6, с. 105].

Примером осуществления такого срединного пути может быть книга Джудит Валковиц «Город пугающего восторга: нарративы сексуальной опасности в поздневикторианском Лондоне» [11]. Исследование объединяет методы социальной и феминистской истории, чтобы описать, как менялся социальный ландшафт Лондона в 1880-е годы. Валковиц подробно описывает социальные последствия мистификации преступлений, происходивших в Лондоне (включая историю Джека Потрошителя), и как под давлением обеспокоенной общественности изменились законы, городское управление, экономические и социальные условия жизни, в особенности, для женщин. Таким образом, работа Валковиц помещает постфеминистский, постмодернистский дискурс в социальный контекст.

Работа Кэтрин Канинг «Гендерная история на практике: телесность, класс и гражданство в исторической перспективе» [7] – ещё одна вариация исторического исследования на пересечении ряда исторических субдисциплин и с использованием методологии гендерной философии, дискурсивного анализа, сексологии и психоаналитической концепции Жака Лакана. Одной из центральных тем книги становится понятие тела и телесности на пересечении материальной культуры и субъективности. Она рассматривает как телесный опыт желания и депривации влияет на формирование гендерной субъективности [7, с. 87]. Например, Канинг демонстрирует на опыте женщин-рабочих в Германии в годы Первой Мировой войны, как новые условия жизни (необходимость работать на заводах, правовые ущемления на работе, участие в профсоюзной деятельности) меняют представления этих женщин о своём теле, сексуальности, возможности не следовать запретам на женскую телесность и сексуальность, а самостоятельно распоряжаться ей.

Несмотря на то, что гендерная история – одна из наиболее медленно развивающихся дисциплин в комплексе гендерных исследований, новые направления в гендерной истории развиваются повсеместно, включая отечественную науку. Например, книга Лорина Петровны Репиной «Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого» представляет собой пересмотр социальных отношений в европейской истории с позиции социально конструируемых отношений господства и подчинения [5, с. 13]. Монография Натальи Львовны Пушкарёвой «Гендерная теория и историческое знание» исследует различные современные направления гендерной истории, как открытие пути развития и расширения поля исторического знания. В том числе поднимается вопрос пересечения и взаимодействия с расовой, классовой, этнической, сексуальной,

региональной формами дискурсивно установленных идентичностей [4, с. 168].

Таким образом, внутри не так давно зародившейся гендерной истории появился целый ряд подходов к изучению прошлого при помощи конструкта «гендера». Внутри этой темы можно раскрыть вопросы поло-гендерного совпадения, гендерной иерархии и её соотношения с другими социальными формами стратификации, вопросы телесности и сексуальности, влияние конструктов маскулинного и феминного на исторический процесс и наоборот – влияние исторических изменений на конструкты феминного и маскулинного.

Современная гендерная история старается избавиться от остракизма женской истории, включив в сферу своих интересов мужского субъекта, как субъекта гендерной истории не вопреки женскому субъекту, а в системной связи. «Гендерная история не просто изучает историю женских или мужских жизней, а историзирует сами понятия «женщина», «мужчина», «гей» и так далее» [3, с. 213–214].

Более того, важнейшая задача современной гендерной истории – найти способ стать частью всеобщей (глобальной) истории. Чтобы гендер, наравне с классом, расой и другими формами социальных идентичностей, стал восприниматься как важная и неотъемлемая категория исторического анализа, без которой невозможно понимание прошлого.

Список литературы:

1. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2. / Общ. ред. С.Г. Айвазовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – 832 с.
2. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории: сб. ст. ; ред. И.С. Кон. М.: Прогресс, 1977. – 336 с.
3. Жеребкина И. Субъективность и гендер: гендерная теория субъекта в современной философии антропологии. СПб.: Алетейя, 2007. – 312 с.
4. Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание. М.: СПб, 2007. – 496 с.
5. Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. – М.: РОССПЭН, 2002. – 352 с.
6. Alberti J. Gender and the Historian. Pearson Education, 2002. – 158 pp.
7. Canning K. Gender history in practice: historical perspective on bodies, class and citizenship. Ithaca: Cornell University Press, 2006. – 285 pp.
8. Palmer V. Descent into discourse. Philadelphia: Temple University Press, 1990. – 289 pp.

9. Rose O.S. What is gender history? Cambridge: Polity Press, 2010. – 157 pp.
10. Scott J.W. Gender: a useful category of historical analysis // Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999. – 267 pp.
11. Walkowitz J. City of Dreadful Delight: narratives of sexual danger in Late-Victorian London. London: Virago, 1992. – 400 pp.

**К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ
СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
СЕРЕДИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Трибунских Наталья Ивановна

*канд. ист. наук, преподаватель Воронежского государственного
промышленно-гуманитарного колледжа,
РФ, г. Воронеж
E-mail: nativtrib@mail.ru*

**ON THE QUESTION OF SEXUAL VIOLENCE
EXPLANATION IN RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION
IN THE MIDDLE OF XIX – THE BEGINNING
OF XX CENTURY**

Natalya Tribunsky

*candidate of Historical Sciences, Lecturer
of Voronezh State Industrial and Humanitarian College,
Russia, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

В статье проведено историко-правовое исследование взглядов российского законодателя второй половины XIX – начала XX века на регулирование и охрану половых отношений, а также разработку методов противодействия насильственным преступлениям сексуального характера.

ABSTRACT

In the article the historical and legal research of Russian legislator's views of the second half of XIX – the beginning of XX century are

presented on the regulation and protection of sexual relations, and the development of methods to counteract violent crimes of a sexual nature.

Ключевые слова: сексуальное насилие; изнасилование; растрепание; мужеложство; похищение; кровосмешение.

Keywords: sexual violence; rape; defilement; homosexuality; kidnapping; incest.

В исследовании современной гендерной системы и источников ее формирования важное значение придается безусловно актуальной проблеме сексуального насилия. Однако, наряду с признанием ее злободневности, российскими исследователями отмечается недостаток внимания к вопросу профессиональных историков и крайне малое количество тематических публикаций [3]. Целью данной статьи является внесение дополнительной лепты в понимание проблемы посредством анализа эволюции российского уголовного законодательства о половых преступлениях, в частности кодексов середины XIX – начала XX вв., впервые объединивших в себе до того разрозненные уголовно-правовые акты, касавшиеся посягательства на половую свободу личности и общественную нравственность.

В 1845 г. вышло в свет «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» – первый кодифицированный уголовный кодекс России, который был подготовлен сотрудниками Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и утвержден Николаем I [9]. Впоследствии оно дважды, в 1866 и 1885 г., претерпело некоторые изменения, связанные с социальными, экономическими и судебно-административными преобразованиями в стране, которые проводились в ходе Великих реформ Александра II в 60–70-х XIX в. Обе редакции, тем не менее, практически не затронули статьи, касавшиеся регулирования сексуальной сферы: из списка применяемых санкций были исключены телесные наказания, кроме того, в некоторых случаях изменены сроки ареста и тюремного заключения [8]. Нормы о половых преступлениях, в том числе насильственных, были разделены по нескольким главам в зависимости от объекта преступления (или, по выражению известного российского юриста XIX в. В.Д. Набокова, нарушаемого правового блага [5, с. 7]), определявшегося законодателями. В частности, к таковым относится глава IV «О преступлениях против общественной нравственности и нарушениях оных постановлений», в свою очередь входившая в раздел VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния», а также отделения «О преступлениях

против чести и целомудрия женщин», которое относилось к главе VI «Об оскорблениях чести» и разделу X «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц». Кроме того, в первой редакции «Уложения о наказаниях» содержался раздел XI «О преступлениях против прав семейственных», который также включал в себя некоторые половые преступления. Подобная система несла в себе массу недостатков, как то отмечали уже современные ей правоведы [5, с. 6; 6, с. 425–426]. Однако со временем часть пробелов и неточностей была скомпенсирована обширной кассационной практикой на основании решений Правительствующего Сената по рассмотрению дел, переданных для вынесения окончательного заключения из нижестоящих судебных инстанций.

В 1903 г. на смену «Уложению о наказаниях» пришло «Уголовное Уложение», которое так и не ступило в силу в полном объеме. В новом Уложении большинство половых преступлений было объединено в главе «О непотребстве», пересмотрены меры и сроки назначавшихся наказаний, а также введены новые понятия (например, любострастное действие, любоддеяние и др.), о которых пойдет речь ниже.

Для проведения сравнительного анализа и выявления изменений в уголовном законодательстве в насильственных половых преступлениях взяты две редакции «Уложения о Наказаниях» (1845 и 1885 г.), а также окончательный вариант «Уголовного Уложения» 1903 г., утвержденный Николаем II.

Значительная часть рассматриваемых уголовно-правовых норм, как уже отмечалось, была посвящена защите чести и целомудрия женщин; несмотря на то, что в Уголовном Уложении 1904 г. Данная формулировка исчезла, смысл ее остался практически неизменным. Главной жертвой сексуального насилия являлась исключительно женщина, а субъектом преступления признавался исключительно мужчина (в ряде случаев женщина могла выступать в качестве сообщницы и пособницы, но не более). Целомудрие при этом определялось в качестве составляющей части женской чести. Толковый словарь В.И. Даля, к примеру, определял, целомудрие как непорочность, сохранение себя в девственной и брачной чистоте, а честь – как внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистую совесть. Таким образом, наряду с физиологическим признаком целомудрия важную роль играла духовная, нравственная чистота защищаемой законом женщины – при этом не только и не столько как часть достоинства конкретной личности и телесной неприкосновенности, сколько как

составляющая фамильной чести, ценность, принадлежащая в первую очередь семье: родителям, близким, родственникам и опекунам или же супругу [11]. Первостепенная важность интересов семьи проявлялась, к примеру, в правиле, согласно которому все уголовные дела об изнасиловании, растлении (лишении девственности), похищении и обольщении девиц или женщин, кроме случаев, в которых преступление приводило к смерти жертвы, начинались только по личной жалобе подвергшейся насилию, либо же ее родителей (опекунов) или мужа. Указанное примечание было внесено в «Уложение о наказаниях» в первую очередь для сохранения семейной тайны [7, с. 612].

Отделение «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» «Уложения о наказаниях» в обеих редакциях включало: растление (1523–1524 ст.), изнасилование (1525–1528 ст.), похищение с целью изнасилования или обольщения (1529–1530 ст.), обольщение обещанием вступить в брак и обольщение опекуном или наставником (1531–1532 ст.) [7, с. 606–613]. Практически все указанные статьи относятся к насильственным преступлениям на сексуальной почве. К ним же можно отнести принуждение женщины к вступлению в половую связь с посторонним лицом со стороны ее супруга, квалифицировавшееся как сводничество (ст. 999) [7, с. 443]. «Уголовное Уложение» 1903 г. в составе главы 23 «О непотребстве» выделяло: совершение любострастного действия (любые действия сексуального характера, не предполагающие выступления в половую связь – 513–515 ст.), любодеяние – в данном случае изнасилование (520–523 ст.), насильственное принуждение к занятию проституцией (526 ст.) [8, с. 102–104]. Для лучшего понимания следует рассмотреть каждое преступление отдельно.

Растление. В «Уложении о наказаниях» посягательство на целомудрие (в первую очередь лишение девственности) рассматривалось отдельно, как «благо, охраняемое независимо от воли его носителя» [4, с. 7]. Поэтому до достижения возраста, определенного законодательством в качестве рубежа умственной, физической половой зрелости (14 лет в целом по России, 13 лет – в Закавказском крае) целомудрие девушки являлось особым объектом внимания уголовного права. Статья 1523, касавшаяся насильственного растления девушки моложе 14 лет, в качестве наказания предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет [7, с. 606]. В статье 1524 за лишение девственности в том же возрасте с согласия девушки назначалась несколько меньший срок: от 4 до 10 лет, в зависимости от отягчающих или облегчающих

наказание обстоятельств. Среди облегчающих обстоятельств назывались возраст и степень образованности обвиняемого, из отягчающих – любого рода власть над жертвой, к примеру, роль опекуна или наставника – в последнем случае, время пребывания осужденного на каторге увеличивалось до 10–12 лет [7, с. 607]. Притом, несмотря на то, что закон не предусматривал вероятности отсутствия девственности у девушки моложе 14 лет, решение Сената № 6 от 1897 года установило промежуточное разграничение между возрастом до 10 лет и от 10 до 14 лет [5, с. 12]. В первом случае при рассмотрении уголовного дела в суде о злоупотреблении невинностью и растлении не ставился вовсе, важным являлось лишь наличие или отсутствие согласия потерпевшей на половой акт. Во втором случае вопрос о злоупотреблении невинностью не ставился только при доказанном насилии над жертвой, а если половой акт с девушкой был добровольным, ответ на вопрос о злоупотреблении невинностью и неведением решал, будет ли дело подведено под действие статьи 1524 или статьи 994 о противозаконном сожителстве неженатого с незамужней, освобождающей от уголовного преследования [5, с. 13]. В случаях, когда речь шла о насильственном лишении девственности жертвы старше 14 лет, вина определялась статьями 1525–1527 (изнасилование) в высшей степени, указанной конкретной статьей [5, с. 13]. Кроме того, кассационная практика Сената, пусть с натяжкой, но учитывала также не предусмотренные в «Уложении о наказаниях» случаи лишения девственности пальцем или каким-либо предметом, квалифицировав их как нанесение увечья средней тяжести (решение № 1018 по делу Григорьева, 1869 г.) [7, с. 606]. Проблема с посягательством на целомудрие без физических повреждений так и не была решена.

В Уголовном Уложении 1903 года виновный в любодеении (т. е. половом сношении) с ребенком, не достигшим 14 лет, наказывался по статье 522 каторжными работами сроком до 10 лет [8, с. 104]. Вопрос о целомудрии жертвы указанного возраста также не ставился. В случае лишения невинности девушки в возрасте от 14 до 16 лет, даже с ее согласия, осужденный приговаривался к заключению в исправительный дом на срок не менее 3 лет. Если же обвиняемому вменялась вина в любострастном действии в отношении ребенка до 14 лет или несовершеннолетней от 14 до 16 лет без ее согласия или при наличии согласия, но с злоупотреблением ее невинностью, наказание определялось заключением в исправительный дом на срок не более 3 лет или тюремным заключением [8, с. 103–104]. Таким образом, произошло увеличение

срока, в течение которого девушка не могла самостоятельно распоряжаться собственным телом и не имела права на половую свободу: с 14 до 16 лет.

Изнасилование. Согласно примечаниям, данным Н.С. Таганцевым к последней редакции «Уложения о наказаниях» (1885 г.), обязательными признаками объективной стороны преступления, посягающего на половую свободу жертвы (о насильственных посягательствах на половую неприкосновенность уже было сказано выше), являлись:

а. половое сношение, то есть гетеросексуальное (путем введения полового члена во влагалище) совокупление мужчины и женщины. Все другие формы полового акта и его имитации изнасилованием не признавались и могли рассматриваться по другим статьям Уложения. В частности, насильственная анальная пенетрация в отношении женщины подводилась законодательством под понятие мужеложства и наказывалась по статьям 995 и 996 «о противоестественных пороках» (решение Сената № 642 по делу Микиртурмова, 1869 г.). В остальных случаях законодатель четко не говорил о том, как следует определять ту или иную форму сексуального насилия «неестественным способом»;

б. использование обвиняемым насилия для подавления или игнорирования воли потерпевшей, будь то физическое воздействие или угроза нанести вред здоровью или жизни жертвы;

в. внешне выраженное сопротивление жертвы, свидетельствующее о ее несогласии на половое сношение. При этом сопротивление не должно было быть непрерывным – жертва могла лишиться сознания в результате борьбы или из-за шока, либо же по другой причине, безразлично какой. Случаи, когда жертва не могла сопротивляться из-за изначально беспомощного или изнуренного состояния, не была способна правильно оценить ситуацию из-за умственного или психического отклонения, пребывала в полном беспомыслии из-за опьянения или в состоянии сна (естественного или искусственного) также попадали под понятие изнасилования;

г. отсутствие супружеских уз между обвиняемым и жертвой, таким образом, сексуальное насилие в браке как таковое законодательством не рассматривалось вовсе [7, с. 609].

Те же основные признаки позднее стали основой соответствующих статей законодательства в Уголовном Уложении 1903 года.

Касательно конкретных санкций за преступление «Уложение о наказаниях» устанавливало за изнасилование девицы или женщины старше 14 лет лишение всех прав состояния и ссылку на каторгу

сроком от 4 до 8 лет. Квалифицирующими признаками, усугубляющими вину осужденного, являлись: замужество жертвы, предварительное ее похищение против воли, побои или истязания, намеренное приведение в состояние беспамятства или искусственного сна самим обвиняемым или по его распоряжению, любого рода власть преступника над жертвой (изнасилование опекуном, учителем, врачом, надзирателем тюрьмы и т. д.), угроза жизни потерпевшей, а также сперва подневольное (в редакции 1845 г.) положение обвиняемого, а затем нахождение его в услужении у потерпевшей, ее родителей или опекунов, или же мужа. Последний пункт являлся отголоском крепостного права, полностью не уничтоженного даже к 1885 году. В случае, если последствием изнасилования оказывалась смерть потерпевшей, срок пребывания осужденного на каторге увеличивалась от 10 до 12 лет [7, с. 609–610].

Уголовное Уложение 1903 года, назначало за изнасилование с применением физического насилия или угроза, а также в случае приведения жертвы в бессознательное состояние срок пребывания на каторге до 10 лет; в аналогичном случае, усугубленном кровосмешением, – до 12 лет [8, с. 104]. Любодеяние с душевнобольной, жертвой, уже находившейся в бессознательном состоянии или лишенной возможности оказать сопротивление насильнику наказывалось заключением в исправительном доме на срок не менее 3 лет, а при сопутствующем инцесте – каторгой до 8 лет. Наконец, любодеяние с несовершеннолетней (14–16 лет) без злоупотребления ее невинностью, но с использованием беспомощного положения каралось тюремным заключением, при наличии родственной связи между обвиняемым и потерпевшей или власти обвиняемого над потерпевшей – каторгой до 8 лет [8, с. 103–104].

Похищение с целью изнасилования, обольщения или вступления в брак отдельно предусматривалось лишь «Уложением о наказаниях», причем насильственное похищение замужней женщины определялось как преступление против семейственных прав, а не половой свободы женщины, ее личной чести и достоинства. В зависимости от обстоятельств этот вид полового преступления карался как покушение на изнасилование, или – в случае добровольного отказа обвиняемого от задуманного или сравнительно легких последствий для жертвы – тюремным заключением или арестом, срок которого в редакции 1885 г. был уменьшен с 3–6 месяцев до 2–4 месяцев соответственно, а в случае ареста оставался прежним от 3 недель до 3 месяцев [7, с. 611]. Похищение с целью обольщения или же нанесения вреда репутации женщины каралось в зависимости

от семейного положения жертвы: заключением в смотрительном доме от 6 месяцев до 1 года, в случае похищения вдовы или незамужней девицы (редакция 1845 г.) [9, с. 782] или от 4 до 8 месяцев (редакция 1885 г.) [7, с. 611], либо, в случае похищения замужней женщины, сроком от 2–3 лет в редакции 1845 г. [9, с. 782] до 1 года 4 месяцев – 2 лет в редакции 1885 года, с лишением некоторых прав состояния [7, с. 612].

Среди интересных видов половых преступлений следует назвать *сводничество* – посредничество между мужчиной и женщиной для содействия вступлению их в половую связь (потворство непотребству), которое могло быть как насильственным, так и ненасильственным. В «Уложении о наказаниях» 1885 г. содержались указания на принуждение женщины к совокуплению с посторонним лицом, например, со стороны мужа или родственников: показание в таких случаях предполагало лишение всех особых прав и преимуществ состояния и ссылку в Сибирь на устанавливаемый судом срок. Уголовное Уложение 1903 г. в главе «О непотребстве» предусматривало преследование

а. склонения жертвы к торговле своим телом под угрозой применения насилия, посредством обмана или злоупотребления властью над женщиной или ее беспомощного состояния;

б. склонения вышеперечисленными способами женщины к выезду из России с целью обращения ее на промысел непотребством, вступлением в плотскую связь за вознаграждение ею всяким, кто того пожелает.

Особняком в обоих уголовных кодексах находились нормы противодействия сексуальному насилию над представителями мужского пола – *мужеложству* (вопрос о насилии женщины над мужчиной даже не рассматривался). Мужеложство – как насильственное, так и добровольное – выступало как противоестественный порок, наносящий вред общественной морали и нравственности, но не преступление против чести и здоровья человека. В уголовных кодексах рассматриваемого периода наблюдалась резкая диспропорция норм, касавшихся защиты половой свободы и половой неприкосновенности мужчин и женщин в пользу последних. Поэтому «Уложение о наказаниях» содержало только две статьи по данному вопросу, одна из которых (ст. 996) касалась сексуального насилия над мужчиной, а также анального полового акта с малолетним ребенком или слабоумным человеком: осужденный лишался всех прав состояния и отправлялся на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет [7, с. 443]. В Уголовном Уложении 1903 г. насильственное или злоупотреб-

ляющее невинностью при наличии согласия потерпевшего мужеложство с несовершеннолетним (14–16 лет), половой акт с человеком, психически неспособным оценить ситуацию, а также с лишенным возможности оказать сопротивление каралось заключением в исправительном доме на срок не менее 3 лет. Если же акт мужеложства был учинен над ребенком до 14 лет, лицом, находящимся под властью обвиняемого, с применением угрозы и насилия, а также намеренным приведением жертвы в бессознательное состояние, осужденный, помимо лишения прав состояния, отправлялся на каторгу на срок не более 8 лет [8, с. 102–103].

Таким образом, российское законодательство о насильственных сексуальных преступлениях в рассматриваемый период сделало значительный шаг вперед и, если «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» рассматривало большинство половых преступлений как угрозу общественному порядку или семейным отношениям, то Уголовное Уложение 1903 г. – как посягательство на интересы и здоровье конкретной личности [2, с. 174]. По выражению Лоры Энгельштейн, в Уголовном Уложении 1903 г. была предпринята попытка «перенацелить закон с вопросов, связанных с семейной иерархией и внутрисемейными отношениями, на проблемы, касающиеся поведения индивидуума» [10, с. 45]. Понимание содержания сексуальных нарушений начало выделяться из прежде расплывчатых рамок общего понятия распущенности и безнравственности, определенных значительным влиянием на сферу сексуальных и супружеских связей церкви.

Список литературы:

1. Безгин В.Б. Преступления на сексуальной почве в российской провинции второй половины XIX – начала XX века // *ВВ: Вопросы права и политики.* – 2013. – № 5. – С. 201–246.
2. Кондрашова Т.В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного Уложения 1903 г. / *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского.* – 2003. – Вып. 1(6). – С. 166–174.
3. Муравьева М. Методологические проблемы современной историографии сексуального насилия на Западе и в России // *Гендерные исследования* – 2005. — № 13. – С. 171–190.
4. Набоков В.Д. Плотские преступления по проекту уголовного уложения. Из журнала «Вестник Права» (ноябрь–декабрь 1902 г.). – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 63 с.
5. Набоков В.Д. Сборник статей по уголовному праву. – СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1904. – 316 с.

6. Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. – Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1904. – 516 с.
7. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885. – СПб., 1892. – 800 с.
8. Уголовное Уложение 1903. – СПб.: Сенатская типография, 1903. – 144 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1845. – 922 с.
10. Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. – М.: Терра, 1996. – 572 с.
11. Muravyeva Marianna G. Between Law and Morality: Violence against Women in Nineteenth-Century Russia / Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture. – Cambridge : Open Books Publishers, 2011. – P. 209–238. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://books.openedition.org/obp/1256> (дата обращения: 1.11.2015 г.).

СЕКЦИЯ 4.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В ЭКОНОМИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД

Крупский Александр Петрович

*канд. психол. наук, доцент кафедры менеджмента
и туристического бизнеса Днепропетровского национального
университета имени Олеса Гончара,
Украина, г. Днепропетровск
E-mail: scavr1971@gmail.com*

FORMATION OF ADMINISTRATORS' PROFESSIONAL CULTURE IN TOURIST ENTERPRISES: GENDER APPROACH

Oleksandr Krupskyi

*PhD., Candidate of psychological sciences, associate professor
of management and tourist business department
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University,
Ukraine, Dnipropetrovsk*

АННОТАЦИЯ

В статье выявлены и исследованы проблемы формирования профессиональной культуры руководителей туристических предприятий с точки зрения гендерной идентичности, обоснована специфика деятельности топ-менеджмента туристических предприятий. На основе практического анализа существующих наработок в сфере формирования профессиональной культуры автором предложены дефиниции «профессиональная культура» и «профессиональная культура менеджера туристического предприятия», которые базируются на особенностях функционирования предприятий туризма. Также в статье акцентировано

внимание на необходимости формирования гендерно-ориентированной профессиональной культуры менеджеров на этапе обучения в вузе.

ABSTRACT

The article reveals problems of formation of administrators' professional culture in tourist enterprises from the gender identity point of view, there are specified activities of top-managers of tourist enterprises. The author of the article offers new definitions of "Professional culture" and "administrators' professional culture in tourist enterprises" on the basis of practical analysis of existing data in the sphere of professional culture formation. These definitions are based on functional peculiarities of tourist enterprises. Furthermore, the author emphasizes on the necessity of formation of gender-oriented managers' professional culture while studying at higher educational institutions.

Ключевые слова: профессиональная культура; гендерный менеджмент; гендерный аспект профессиональной культуры; туристическое предприятие.

Keywords: professional culture; gender management; gender aspect of professional culture; tourist enterprise.

Результатом социально-экономических трансформаций украинского общества стала деполяризация традиционных социальных ролей представителей женского и мужского пола, а также феминизация обычно мужских профессий. Женщина-руководитель туристического предприятия – это уже норма жизни. Сейчас внимание ученых приковано к проблемам эффективного управления, повышения компетентности руководителя, инновационных подходов к профессиональной деятельности в условиях кризиса. Однако эти исследования касаются руководителя, обезличенного без учета гендерной идентичности. Подавляющее большинство исследований управленческой карьеры (благодаря «стеклянному потолку») касаются преимущественно мужчин. Таким образом, отсутствует теоретическое основание, не сформулированы научно-методические рекомендации по особенностям профессиональной культуры руководителей туристических предприятий с учетом гендерных принципов.

Учитывая феноменологию культурной деятельности, разработанную Л. Выготским, П. Гуревием, В. Давыдовым, М. Каганом, И. Михайличенко, считаем, что профессиональная культура является интегральной характеристикой специалиста, которая проецирует его общую культуру в профессиональной сфере и может формироваться только в процессе целостной социальной деятельности личности.

Отдельные аспекты (методологические, психолого-педагогические, культурологические, социологические) гендерного подхода к профессиональной деятельности были раскрыты в научных трудах ведущих исследователей: Г. Балла, Л. Буева, Г. Васяновича, С. Гончаренко, И. Зязюна, А. Иваницкой, Н. Крыловой, Н. Ничкало, А. Романовского, В. Руденко и др.

В большинстве работ рассматриваются различные проблемы положения женщины в обществе, такие как: современное состояние женской занятости и интеграции женщин в систему рыночных отношений (Е. Бузницкая, Л. Ржаницена, Г. Силласте), тенденции изменения социального статуса женщины в современном обществе (Е. Бузницкая, В. Зленко, А. Иващенко, Н. Лавриненко, Г. Силласте), процессы самоидентификации в гендерном аспекте и вопросы социокультурного потенциала женщин (А. Аврамова, В. Агеева, Л. Бондаренко, Н. Захарова, Т. Клименкова, Н. Чухим). Практически отсутствуют исследования, которые бы с научных основ раскрыли особенности деятельности, поведения, профессиональной культуры мужчины-руководителя и женщины-руководителя туристического предприятия.

Цель статьи – изучить гендерные аспекты профессиональной культуры руководителя туристического предприятия, раскрыть основные отличия феномена «профессиональная культура» с учетом гендерной идентичности менеджера.

Термин «профессиональная культура» подчеркивает, что культура рассматривается как специфическое качество деятельности специалиста и раскрывает предметное содержание культуры, которое определяется спецификой профессии, профессиональной деятельности и профессионального сообщества [5].

Исследования, проведенные в работе [18], позволяют утверждать, что профессиональная культура среднестатистического менеджера рассматривается в нескольких плоскостях, а именно в плоскости:

- достижений человека в конкретной профессии – уровень мастерства/профессионализма;
- самореализации (в идеале творческой) в профессиональной деятельности;
- освоения профессионально-значимых знаний, умений, навыков, организационных ценностей;
- передачи профессионально-значимых знаний, умений, навыков, организационных ценностей;
- становления ценностей конкретного индивида, причем эти ценности индивидуальны и должны рассматриваться через призму

качества профессиональной деятельности и качества «обывательской» жизни индивида.

Учитывая то, что профессиональная культура является основополагающей как для профессиональной деятельности, так и для восприятия партнера по профессиональной деятельности, мы выполнили комплексную характеристику сути данного понятия. Несмотря на то, что как зарубежные, так и отечественные ученые предлагают различные варианты определения данной категории, наиболее распространенные русскоязычные толкования понятия «профессиональная культура» мы сгруппировали в структурно-логические блоки (рис. 1).

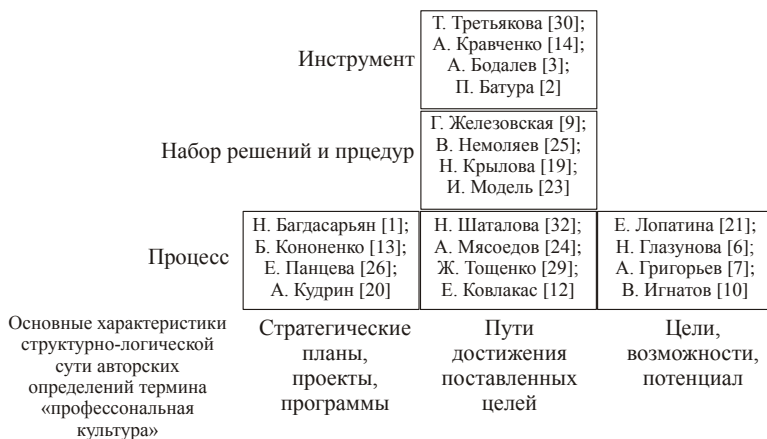

Рисунок 1. Структурно-логическая суть понятия «профессиональная культура»

Стоит заметить, что в процессе контент-анализа данного понятия было обнаружено, что профессиональная культура имеет саморазвивающийся характер, поскольку обеспечивает соответствие целевой ориентации профессии внутренним возможностям исполнителя и производственным требованиям. Профессиональная культура – это процесс глубинной трансформации знаний, умений и навыков индивидуума к требованиям производственной целесообразности с целью обеспечения эффективного выполнения трудовых обязанностей.

Таким образом, профессиональная культура менеджера туристического предприятия представляет собой форму менеджерской культуры человечества, которая существует в рамках профессионального сообщества работников туристических предприятий и аккумулирует

в себе знания, теоретические воззрения, технологии и коммуникативные практики, традиции и специфическую языковую систему, выработанные профессионалами в процессе работы в отрасли туризма и гостеприимства.

Профессиональная культура руководителя туристического предприятия – это целостная система лично значимых духовных качеств руководителя, соединенных с его профессиональными знаниями, умениями, навыками и творческими способностями. Она учитывает личностное развитие и отражает уровень готовности к выполнению профессиональных обязанностей. Проблема формирования профессиональной культуры руководителей приобретает чрезвычайную актуальность, поскольку от ее успешного решения зависит эффективность управления туристическим предприятием на современном этапе экономического развития. Понятие «профессиональная культура» – функция от содержания профессиональной деятельности представителей (субъектов) конкретной социальной (профессиональной) группы и их общественной роли. «Профессиональная субкультура» образуется благодаря существованию совместных символов, ценностей, норм и образцов поведения, приемлемых в той или иной профессиональной группе людей [22]. По мнению В. Мельник [22], управленческая культура является составляющей профессиональной культуры и определяется совокупностью:

- знаний, которые необходимы для этой деятельности;
- умений и навыков, которые необходимы для эффективного выполнения функционально-должностных обязанностей;
- профессиональных, деловых и личностных качеств, необходимых для полной реализации собственных сил, способностей и возможностей при выполнении функционально-должностных обязанностей;
- «человеческих» качеств: культура, кругозор, словарный запас и т. п., необходимых для формирования культуры ведения бизнеса и мотивации профессиональной деятельности.

Подчеркивая способность профессиональной культуры к саморегулированию, некоторые авторы признают значимую роль профессионального образования и подготовки в процессе ее формирования [18; 27]. Профессиональная культура включает в себя фундаментальную методологическую; теоретическую и практическую подготовку; подготовку по специальности; формирование личностной, предпринимательской, экономической культур; осознаваемую самостоятельную творческую деятельность. Руководители

туристических предприятий в процессе формирования профессиональной культуры приобретают умение озвучивать (вербализировать) туристический продукт, проявлять творческое воображение, оригинальность мышления и ориентацию на клиента, пользоваться различными формами убеждения, выяснять потребности и материальные возможности клиента, решать когнитивные противоречия. Развитие организационных, коммуникативных, координационных способностей положительно влияет на эффективность формирования профессиональной культуры руководителя.

К началу XXI в. накопилась значительная база теоретического материала по гендерной тематике, что позволяет разрабатывать новые направления гендерных исследований в соответствии с современными экономическими и управленческими проблемами. Анализируя вопрос гендерных различий в процессе формирования профессиональной культуры руководителей туристических предприятий, выделим основные влияющие факторы гендерных стереотипов в обществе и соотношение последних в микросоциуме, который нас окружает.

Гендерный стереотип – упрощенный, устойчивый, эмоционально окрашенный образ поведения и черт, приписываемый обществом мужчинам или женщинам. Эти стереотипы чрезвычайно устойчивы и проявляются во всех сферах жизни человека от самосознания до межгруппового взаимодействия. Наши исследования показали, что гендерные стереотипы, связанные с содержательной стороной профессионального труда, до сих пор остаются проблемными и противоречивыми [17; 33]. «Согласно традиционным представлениям предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности, а мужская работа определяется в инструментальной сфере деятельности», – отмечает И. Тупицына [31].

Научные исследования выявили, что в обществе сложился стереотип о «половой» привязке профессий/специальностей. Так, к «женским» профессиям относятся домохозяйство, педагогика, кулинария, медицина. К «мужским» – военное и строительное дело, программирование, политика, экономика, сельское хозяйство. Статистически подтвержденных достоверных различий по признаку «гендер» не нашли у работников искусства и науки, а также специалистов в спортивной сфере и в профессиях, допускающих неквалифицированный труд.

В концепции Государственной программы по утверждению гендерного равенства в украинском обществе отмечается, что к основным причинам возникновения гендерной проблемы относятся:

доминирование образа жизни, идеологических основ и интересов, присущих мужчинам; утверждение в обществе ценностей и приоритетов, сформированных мужчинами; отсутствие возможностей гармоничного совмещения профессиональной деятельности и семейной жизни, как для мужчин, так и для женщин; гендерное неравенство, в частности в социальной, экономической сферах, сфере здравоохранения. Таким образом, в обществе царит гендерный стереотип распределения ролей, которые (роли) актуализируются через социализацию.

Вместе с тем, надо отметить, что в современном обществе происходит рост самосознания и активности женщин. Показательным в этом аспекте является утверждение Г. Силласте [28]: «Гендерная асимметрия – это социальное явление, которое отражает объективную закономерность количественного распределения мужчин и женщин в социальной структуре общества и во всех сферах его жизнедеятельности, а также качественные социальные последствия этого явления... В основе гендерной асимметрии лежат ... конкретные социальные условия». Гендерная асимметрия в отрасли туризма и гостеприимства резко сместилась в пользу женщин и создала гендерную сегрегацию на рынке труда и занятости.

Гендерная сегрегация на рынке труда проявляется в асимметричном распределении женщин и мужчин на различных производствах. При этом обычно различают вертикальную и горизонтальную сегрегацию. Отраслевую и профессиональную сегрегацию принято считать горизонтальной, а должностную – вертикальной. Следует отметить, что из-за специфики менеджмента туристических предприятий говорить о вертикальной сегрегации не приходится, так как женщин, работающих непосредственно в офисах туристических предприятий, более 86 %, а есть фирмы, в которых мужчины никогда не работали и как потенциальные сотрудники вообще не рассматривались [15]. По данным сайта HeadHunter.ua в топ 10 профессиональных областей для соискателей мужчин и женщин такая отрасль, как «Туризм, гостиницы, рестораны» у женщин заняла в 2012 г. 9 место (3,37 % резюме) и вообще не попала в сферу интересов по поиску работы мужчин [29].

Публикации об отличии «мужского» и «женского» менеджмента констатируют «факты» [30], формируют гендерные стереотипы [4], но ни в коей мере не объясняют с научной точки зрения механизмы формирования гендерных особенностей управления и, как следствие, не объясняют ожиданий от управленцев различного пола, но не гендера. У обывателей эти два понятия воспринимаются как синонимы, что методологически не верно. Пол социальный

подменяется полом биологическим. Кадровый потенциал туристических предприятий (и, как следствие, конкурентоспособность) определяет уровень эффективности функционирования их хозяйственной системы, поскольку от личных и деловых качеств руководителей и специалистов (обычно женщины), их общеобразовательного и квалификационного уровня зависит качество: принимаемых управленческих решений; их реализации; предоставляемых предприятием услуг; межличностных коммуникаций (менеджер-потребитель, руководитель-менеджер, менеджер-менеджер).

Особенности работы туристического предприятия таковы, что менеджеры-мужчины не могут / не хотят составить конкуренцию менеджерам-женщинам, несмотря на «рванный» карьерный рост последних, вызванный бытовыми и физиологическими причинами. Женщины, тем не менее, более амбициозны, чем современные мужчины. Целевая установка женщин, работающих в турбизнесе, на карьеру является эгоцентричной и больше связана с желанием пожить для себя, попутешествовать, открыть свое предприятие, приобрести экономическую независимость. Мужчины, работая на турпредприятиях, сталкиваются с «клиентским произволом», когда «к их рекомендациям не прислушиваются»; 60 %, а в некоторых предприятиях и 80 % общений с клиентом не приводят к продажам туристической услуги, и это вновь удар по мужскому самолюбию. Не избегают мужчины и когнитивного диссонанса, когда менеджер-женщина более востребована клиентами и успешна, чем они.

В рамках гендерного менеджмента было выделено несколько типов (ролей) женщин-руководителей: «Железная леди», «Соблазнительница», «Мать», «Талисман». Все эти роли вербализованы, отражая идентификаторы, присущие мужскому обществу, что, в свою очередь, свидетельствует о неблагоприятном восприятии женщины-руководителя как подчиненными, так и равными по статусу коллегами. Необходимо акцентировать внимание, что на предприятиях туризма на высоких должностях встречаются только «Железные леди». На наш взгляд, это связано со спецификой бизнеса, т. к. ответственность за качество предоставляемой услуги такова, что ни один из остальных типажей не обеспечивает долговременного и стабильного развития предприятия.

Очень немногие работники-мужчины желают работать под руководством женщины, а тем более «Железной леди». Женщины-руководители успешных предприятий туризма, по сравнению с мужчинами, болезненней переживают ошибки и критические замечания, острее реагируют на неуважение к себе партнеров

по бизнесу, постоянно требуют повышения качества предоставляемой услуги, не готовы прощать другим слабости и ждать дольше определенного (индивидуально обоснованного) времени улучшений в качестве работы подчиненных, более внимательны к клиентам (но, в разумных рамках, жестки с подчиненными), активны в налаживании социальных контактов, динамичны в общении, дружелюбны и экспрессивны. У них выше работоспособность в стрессовых ситуациях. Вместе с тем, они более зависимы от социального признания, у них более выражена ситуативная и личностная тревожности. Такие личностно-ценностные качества составляют профессиональную культуру женщины-руководителя предприятий туризма.

Зачастую подчиненные и коллеги видят в работе женщины-руководителя предприятия туризма: авторитаризм в управлении, экстернализацию межличностных проблем, чрезмерную целеустремленность, самоуверенность и амбициозность. Вероятность возникновения конфликтов, возможных из-за проявления вышеупомянутых качеств, «Железные леди» снижают с помощью манипулирования окружающими, формируя у них нужные мысли о происходящем. Конфликты, возникающие по вышеупомянутым причинам, разрешаются путем увольнения сотрудников. И это одна из возможных причин высокой текучести кадров на данных предприятиях. Данные тенденции в поведении женщин-руководителей можно рассматривать как компенсаторную реакцию на неосознаваемые личностные проблемы, связанные с гендерными стереотипами.

Как правило, на пути у женщины-руководителя предприятий туризма встречаются проблемы двух типов. Тип первый: руководителем предприятия стала достаточно хорошо подготовленная в профессиональном отношении женщина. Дальше возможны варианты, например, она не может приспособиться к стереотипу управления, скроенному по «мужской модели» (наличие: жесткости, напористости, авторитарности, обезличенности управления, эмоционального аскетизма). В этой ситуации женщина либо «ломает себя», принимая ожидаемые поведенческие паттерны, что сказывается на качестве ее жизни, или прилагает колоссальные усилия для утверждения в глазах коллектива и окружающих своего права на особый «женский» вариант исполнения роли, или отказывается от руководящих притязаний. Тип второй: предприятие женщине «подарили». «Отрасль несерьезная, чисто женская, пусть забавляется». И «подарить» предприятие могут как образованной, квалифицированной, профессионально компетентной женщине, так и поверхностной, взбалмошной, скучающей барышне. А вот варианты

работы руководителя в должности отличаться не будут. И гендерные стереотипы будут довлеть как в первом, так и втором случае.

Высокий уровень профессиональной культуры руководителей туристических предприятий обоих полов должен характеризоваться полной сформированностью комплекса знаний, умений, навыков функций, видов, компонентов профессиональной культуры. У таких руководителей преобладают внутренние мотивы выбора профессии: удовольствие от работы, возможность путешествий, творческий подход к продажам, возможность управления другими людьми. Руководители туристических предприятий с высоким уровнем профессиональной культуры в основном имеют склонность к авторитарному стилю руководства, что позволяет избежать проблем с услугами и рекламациями, которые могут быть вызваны халатностью, расхлябанностью, необязательностью подчиненных или контрагентов. В них превалируют внутренние ценностные ориентации, собственное духовное развитие и саморазвитие, внутренний стержень. Эффективные руководители туристических предприятий отлично владеют принципами управления; основами гендерного менеджмента; умениями использовать отличие, взаимодополнение и равенство различных полов; умениями определять ценностно-потребностные доминанты подчиненных и клиентов. Руководители с высоким уровнем сформированности профессиональной культуры отлично знают и осознают гендерные стереотипы, способны к разумной рефлексии, саморазвитию, самооценке, четко понимают и осознают важное значение профессиональной культуры для профессиональной деятельности, успешно работают над развитием своего эмоционального интеллекта с учетом полоролевых стереотипов.

Таким образом, современные менеджмент-технологии требуют критического переосмысления базовых ценностных установок в направлении согласования с гендерными ценностями. Ситуация, сложившаяся на рынке труда сферы услуг, требует от учебных заведений, выпускающих менеджеров, пересмотра традиционных образовательных программ в сторону адаптации под изменения, произошедшие в различных отраслях, в частности в отрасли туризма и гостеприимства. Девушку-студентку необходимо уже в вузе подготавливать к возможности занять руководящую должность. Проблема учета гендерных особенностей при формировании готовности руководителя к управлению туристическим предприятием является важной, актуальной и совсем не исследованной.

Список литературы:

1. Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения [Текст] / Н.Г. Багдасарьян – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. – 239 с.
2. Батура П.М. Профессиональная культура молодежи села: проблемы и перспективы: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.02 [Текст] / П.М. Батура. – Минск: Белорус.гос.ун-т., 1990. – 21 с.
3. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком: монография [Текст] / А.А. Бодалев – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
4. В чем женский стиль управления превосходит мужской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: <http://bctlt.ru/v-chem-zhenskij-stil-upravleniya-prevoshodit-muzhskoj/> (дата обращения 07.11.2015).
5. Виноградов В. Подготовка специалиста как человека культуры [Текст] / В. Виноградов, А. Синюк // Высшее образование в России. – № 2. – 2000. – С. 41.
6. Глазунова Н.И. Система государственного управления: Учебник для вузов [Текст] / Н.И. Глазунов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 551 с.
7. Григорьев А.Н. Профессиональная информационная культура как цель профессиональной подготовки специалистов МВД России / А.Н. Григорьев, А.Б. Серых [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.ido.rudn.ru/vestnik/2010/2010_3/11.pdf (дата обращения 06.11.2015).
8. Данилова Н.И. Содержание и принципы гендерного управления / Н.И. Данилова. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://lib.herzen.spb.ru/text/danilova_99_281_286.pdf (дата обращения 07.11.2015).
9. Железовская Г.И. Формирование профессиональной культуры будущих инженеров ландшафтного дизайна: задачи, условия, принципы [Текст] / Г.И. Железовская, Т.А. Третьякова // Основные направления совершенствования качества подготовки специалистов: сб. научных статей 4-ой междунард. научн.-метод. конф. – Саратов: СГУ, 2007. – С. 261–266.
10. Игнатов В.Г. Профессиональная культура и профессионализм государственной службы: контекст истории и современность: учеб. пособие [Текст] / В.Г. Игнатов, В.К. Белолипецкий. – Ростов н/Д.: Март, 2000. – 256 с.
11. Какую работу ищут мужчины и женщины: гендерная сегрегация рынка труда [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://hh.ua/article/13203> (дата обращения 07.11.2015).
12. Ковлакас Е.Ф. Содержание интеграционного треугольника «военная педагогика – язык – военно-профессиональная культура» [Текст] / Е. Ф. Ковлакас // Вестник Военного университета. – 2010. – № 2 (22). – С. 36–40.
13. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии [Текст] / Б.И. Кононенко – М.: Вече: Аст, 2003. – 511 с.

14. Кравченко А.И. Культурология: учеб. пособие для вузов [Текст] / А.И. Кравченко. – М.: Акад. проект, 2001. – 324 с.
15. Крупський А.П. Особенності структури занятості на туристических підприємствах України [Текст] / О.П. Крупський // Можливості та розвиток сучасного туризму: світовий та національний досвід: матеріали Всеукраїнської науково-практичної конференції 16–17 жовтня 2014 року / колектив авторів; за заг.ред. проф. В.М. Зайцевої; Запорізький національний технічний університет. – Запоріжжя: ТОВ «ЛППС» ЛТД, 2014. – С. 219–224.
16. Крупський О.П. Гендерний аспект організаційної культури підприємств в епоху глобалізації [Текст] / О.П. Крупський // Вісник ДНУ. Серія: Світове господарство і міжнародні економічні відносини. – 2012. – Вип. 4. – С. 99–107.
17. Крупський О.П. Організаційна культура: досвід підприємств галузі туризму й гостинності в Україні [Текст] / О.П. Крупський // Можливості та розвиток сучасного туризму: світовий та національний досвід : монографія / колектив авторів; за заг.ред. проф. В.М. Зайцевої; Запорізький національний технічний університет. – Запоріжжя: ТОВ «ЛППС» ЛТД, 2014. – С. 168–182.
18. Крупський О.П. Професійна культура майбутнього менеджера: психолого-педагогічні аспекти й чинники формування [Текст] / О.П. Крупський, Є.В. Намлієв // Теорія і практика професійного становлення особистості в соціокультурному просторі: Монографія / Кол. авторів; ред. О.О. Лаврентьевої, О.П. Крупського, Є.В. Намлієва. – Дніпропетровськ: Акцент ПП, 2014. – С. 258–282.
19. Крылова Н.Б. – Формирование культуры будущего специалиста [Текст] / Н.Б. Крылова. – М: Высшая школа, 1990, – 140 с.
20. Кудрин А.А. Формирование профессионально-педагогической культуры у будущих специалистов безопасности жизнедеятельности в педагогическом вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 [Текст] / А.А. Кудрин. – СПб., 2008. – 217 с.
21. Лопатина Е.Н. Понятие профессиональной культуры специалиста: деятельностный подход / Е.Н. Лопатина [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.pac.by/dfiles/001806_610346_1.pdf (дата обращения 06.11.2015).
22. Мельник В.К. Керівниками не народжуються: управлінська підготовка керівника навчального закладу в системі підвищення кваліфікації [Текст] / В. К. Мельник // Управління освітою. – 2003. – № 8. – С. 8–9.
23. Модель И.М. Профессиональная культура политика (методологические проблемы): Автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01 [Текст] / И.М. Модель; Рос. акад. наук, Уральск. отделение, Ин-т философии и права. – Екатеринбург, 1994. – 47 с.
24. Мясоедов А.М. Профессиональная культура врача: структура, функции, уровни и компоненты [Текст] / А.М. Мясоедов // Медицина. – 2009. – № 4. – С. 11–13.

25. Немоляев В.В. Профессиональная культура как социальный феномен [Текст] / В.В. Немоляев // Вестник ПАГС. – 2015. – № 2 (47). – С. 81–86.
26. Панцева Е.Ю. Математическая культура – аспект профессиональной культуры / Е.Ю. Панцева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2014. – т. 20. – С. 1496–1500 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://e-koncept.ru/> (дата обращения 06.11.2015).
27. Радугин А.А. Социология. Курс лекций [Текст] / А.А. Радугин, К.А. Радугин. – М.: Центр, 1999. – 160 с.
28. Силласте Г.Г. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин [Текст] / Г.Г. Силласте // Высшее образование в России. – 2004 – № 3. – С. 122–133.
29. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. [Текст] / Ж.Т. Тощенко – М.: Прометей, Юрайт, 1999. – 512 с.
30. Третьякова Т.А. Формирование профессиональной культуры будущих инженеров ландшафтного дизайна [Текст] / Т.А. Третьякова // Научные исследования в образовании. – 2007. – № 6. – С. 171–174.
31. Тупицына И.А. Гендерные стереотипы и жизненный путь человека [Текст] / И.А. Тупицына // Практикум по гендерной психологии. / Под ред. И.С. Клециной. – СПб.: Питер, 2003. – С. 143–152.
32. Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника [Текст] / Н.И. Шаталова. – М.: Юнити, 2003. – 399 с.
33. Grynko T.V. Conceptual Approaches to Formation of Organizational Culture of Tourist Enterprise: Gender Aspect [Text] / T.V. Grynko, O.P. Krupskyy // Problems of Employment and Labor Relations in Terms of Economic Instability: Collective monograph. – Publishing house «BREEZE», Monreal, Canada, 2015. – P. 43–62.

ДЕФИЦИТ ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА И СПОСОБЫ ЕГО ФИНАНСИРОВАНИЯ

Зубова Ольга Николаевна

*канд. экон. наук Сибирского федерального университета,
РФ, г. Красноярск*

Трюшниковая Евгения Сергеевна

*студент Сибирского федерального университета,
г. Красноярск*

E-mail: djonyasmill@yandex.ru

THE STATE BUDGET DEFICIT

Olga Zubova

*candidate of Economic Sciences, Siberian Federal University,
Russia, Krasnoyarsk*

Eugenia Tryushnikova

*student of the Siberian Federal University,
Russia, Krasnoyarsk*

АННОТАЦИЯ

В статье освящаются основные понятия дефицита бюджета, предлагаются варианты регулирования дефицитного бюджета, предоставлены статистические данные с 2008–2014 года федерального бюджета России, анализируется динамика расходов бюджета.

ABSTRACT

This article describes the basic concepts of budget deficit, and suggests options regulation deficit budget, provided the statistical data from the years 2008–2014 Federal budget of Russia the dynamics of spending budget.

Ключевые слова: дефицит; система; бюджет; развитие; экономика; регулирование; государство.

Keywords: a deficit; a system; a budget; a development; an economy; a regulation; the state.

Определяющую роль в формировании и развитии экономики любого современного общества играет государственное регулирование, осуществляемое в рамках избранной властью экономической политики. Одним из наиболее важных механизмов, позволяющих государству осуществлять экономическое и социальное регулирование, является его финансовая система, главным звеном которой является государственный бюджет. Именно посредством финансовой системы государство образует централизованные и воздействует на формирование децентрализованных фондов денежных средств, обеспечивая возможность выполнения возложенных на государственные органы функций. Однако данная система зачастую сталкивается с проблемами, выраженными в форме бюджетного дефицита или профицита [1, с. 23].

На современном этапе развития экономики, как России, так и большинства европейских стран, отмечается дефицит бюджета. Дефицит до 3 %–4 % от ВВП считается допустимым и никаких особо

негативных последствий для экономики не несет. Но в большинстве случаев дефицитный бюджет несет за собой ряд негативных последствий:

1. Повышение ставок налогов (как средство выплаты государственного внутреннего долга или его уменьшения) может подорвать действие экономических стимулов развития производства, снизить интерес к вложениям в новые рискованные программы и т. д., а также усилить социальную напряженность в обществе.

2. Существование внешнего долга предполагает передачу (при погашении этого долга) части созданного внутри страны продукта за рубеж.

3. Рост внешнего долга, безусловно, снижает международный авторитет страны. Страна в меньшей степени вызывает доверии со стороны других стран, зарубежных банковских систем. Кредитный рейтинг государства снижается со всеми вытекающими последствиями.

Рассмотрим динамику федерального и консолидированного бюджетов России в период с 2008 по 2014 года (таблица 1) [2].

Таблица 1.

Параметры дефицита/профицита и сальдо государственного бюджета РФ за 2008–2014

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Доходы консолидированного бюджета							
млрд, руб,	13368	16003	13599	15715	20853	23088	24082,4
% к ВВП	40,2	38,8	35	33,9	37,5	37,4	36,1
Расходы консолидированного бюджета							
млрд, руб,	11378	13991	15847	17301	20004	22825	24931,1
% к ВВП	34,2	33,9	41,4	37,3	36	36,9	37,4
Дефицит(-)/профицит(+) консолидированного бюджета							
млрд, руб,	1989,7	2012,1	-2426	-1585	848,9	262,9	-848,7
% от ВВП	6	4,9	-6,3	-3,4	1,5	0,4	-1,3
Доходы федерального бюджета							
млрд, руб,	7781	9275,9	7337	8305,4	11367	12853	13019,9
% к ВВП	23,4	22,5	18,9	17,9	20,4	20,8	19,5

Расходы федерального бюджета							
млрд, руб,	5986	7570,9	9660	10117	10925	12890	13342,9
% к ВВП	18	18,3	24,9	21,8	19,6	20,9	20
Дефицит(-)/профицит(+) федерального бюджета							
млрд, руб,	1794	1705,1	-2322	-1812	442,1	-37	-389,6
% к ВВП	5,4	4,1	-6	-3,9	0,8	-0,1	-0,5

Консолидированный государственный бюджет в 2014 году оказался дефицитным в размере 848,7 млрд. руб. (что в процентном эквиваленте от ВВП составило 1,3 %). Одной из причин можно отметить увеличение расходов, которые в 2014 году составляют 37,4 % от ВВП, в то время как налоговые доходы государства – всего 17 % от валового внутреннего продукта. Дефицит федерального бюджета 2014 года составил 389,6 миллиарда рублей (0,5 % ВВП), в 2015 году прогнозируемое значение – 796,6 миллиарда рублей (1 % ВВП), в 2016 году – 486,5 миллиарда рублей (0,6 % ВВП). Отрицательная динамика состояния государственного бюджета символизирует о нерациональном использовании финансовых ресурсов государством. Для наполнения федерального бюджета правительство рассматривает вопрос о повышении налоговой нагрузки на сырьевой сектор экономики, при стабильной процентной ставке налогов на прочие сектора экономики.

Рассмотрим основные статьи доходов и расходов России на 2015 год, а также на 2016 и 2017 года на проектной основе (таблица 2 и 3) [2].

Таблица 2.

Структура и динамика расходов федерального бюджета по разделам классификации расходов, млрд. руб.

	2014 год		2015 год		2016 год		2017 год	
	Закон 201-ФЗ	% к объему	проект	% к объему	проект	% к объему	проект	% к объему
1	2	3	4	6	7	9	10	12
Всего	13960	100	15252,3	100,0	15975	100	16827	100
Из них:								
Общегосударственные вопросы	1013,9	7,3	1 105,5	7,2	1134,3	7,1	1250,5	7,4
Национальная оборона	2470,6	17,7	3 031,3	19,9	3339,8	20,9	3521,0	20,9

Национ. Безопасность.	2065,7	14,8	2 140,9	14,0	2122,4	13,3	1980,3	11,8
Национальная эконом.	2219,0	15,9	2 205,5	14,5	1996,9	12,5	2038,9	12,1
Жил-коммунальное хоз.	123,3	0,9	122,6	0,8	79,3	0,5	73,9	0,4
Охрана окружающей среды	54,5	0,4	49,0	0,3	51,6	0,3	48,6	0,3
Образование	640,2	4,6	610,5	4,0	623,1	3,9	652,0	3,9
Здравоохранение и спорт	480,8	3,4	391,0	2,6	396,5	2,5	386,3	2,3
Соц. политика	3506,4	25,1	4 168,3	27,3	4 344	27,2	4 456	26,5

В целом структура расходов федерального бюджета в 2015–2017 годах не претерпела существенных изменений. По-прежнему наибольший удельный вес в расходах федерального бюджета занимают статьи затрат на социальную сферу (35,2–33,7 %), а также расходы на национальную оборону, национальную безопасность и правоохранительную деятельность (33,9–32,7 %). Вместе с тем следует отметить постепенное снижение доли расходов федерального бюджета на поддержку национальной экономики с 15,9 % в 2014 году до 12,1 % в 2017 году.

Таблица 3.

Структура и динамика доходов федерального бюджета по разделам классификации расходов, млрд. руб. [2]

Показатель	2013 год		2014 год		2015 год		2016 год		2017 год	
	отчет	%% ВВП	Закон 201-ФЗ	%% ВВП	Прог-ноз	%% В В П	Прог-ноз	%% ВВП	Прог-ноз	% В В П
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Доходы, всего	13019	9,5	14238	9,9	14923	9,6	15493	8,8	16272	18,1
<i>в том числе:</i>										
Нефтегазовые доходы	6534,0	9,8	7480	10	7 520,6	9,9	7516,1	9,1	7 590,9	8,4

Повышение прогнозируемого поступления нефтегазовых доходов в процентах ВВП в 2015–2017 годах обусловлено увеличением экспортных цен на природный газ, добычу нефти, экспорта товаров, выработанных из нефти. Данная ситуация связана с нестабильностью

на валютных рынках, поэтому Россия начинает активную деятельность, направленную на импортозамещение и обеспечение страны изнутри. Повышается доля экспорта товаров в новые страны, которые согласились взаимодействовать с Россией в период нестабильности экономики и геополитической напряженности.

Рассмотрев основные статьи доходов и расходов, можно сделать вывод, что в 2014–2017 годах прогнозируется снижение доходов федерального бюджета с 19,9 % ВВП в 2014 году до 19,6 % в 2015 году и до 18,1 % ВВП к 2017 году, данная ситуация связана с непропорциональным ростом доходов и расходов страны. Расходы увеличиваются с большим темпом роста, нежели доходы, получаемые, как от налоговой нагрузки, так и от внешнеэкономической деятельности.

Сложившаяся ситуация, которая характеризуется дефицитностью, как федерального, так консолидированного бюджетов, диктует разработку мер по сокращению статей расходов и увеличению доходной части государственного бюджета страны. В качестве первого источника финансирования дефицита бюджета могут выступать повышенные налоговые доходы. К налоговым доходам федерального бюджета относятся: налог на прибыль организаций, налог на добавленную стоимость, акцизы, вывозные таможенные пошлины. Однако стоит понимать, что увеличение налоговой нагрузки по налогу на прибыль приведет к уклонению от уплаты налогов, снижению предпринимательской активности, и как следствие приведет к снижению налоговых поступлений в бюджет.

Для сокращения дефицита федерального бюджета целесообразно оптимизировать его расходы. В соответствии с Бюджетной стратегией на период до 2023 года основными возможными направлениями снижения расходов являются общегосударственные вопросы, национальная безопасность, правоохранительная деятельность и ЖКХ [3, с. 6]. Также рекомендуется оптимизировать расходные статьи культуры и СМИ. Для оптимизации этой статьи расходов необходимо точное законодательное определение того, что можно считать социально ориентированной продукцией (а такого определения пока нет).

Таким образом, можно выделить следующие источники финансирования дефицита бюджета:

1. Регулирование налоговых ставок (акцизы, НДС, земельный налог), но следует учитывать негативные стороны данного явления, которые могут привлечь к более серьезному спаду финансовой активности, а в последствие к увеличению самого дефицита.

2. Осуществление государственных внутренних заимствований, но в этом случае произойдёт увеличение долговой нагрузки на бюджет, а также повышение расходов по обслуживанию долга.

3. Оптимизация бюджетных расходов. Этот метод является наилучшим, так как позволяет сократить нерациональные расходы, а также повысить эффективность существующих расходов.

Можно сделать вывод, что сокращение дефицита бюджета можно добиться путем разумного увеличения налогов, а также с помощью эффективного распределения финансовых средств по основным затратным статьям бюджета. России необходимо стремиться к такому положению, когда страна сможет минимизировать заемные средства, обеспечивая себя с помощью собственных средств.

Список литературы:

1. Гарагозов Д.И. Инструментарий в условиях бюджетного дефицита и профицита/ Д.И. Гарагозов// Автомобильные дороги. – 2014. – № 5. – 25–28 с.
2. Бюджет РФ: электронная статистика. – М., 2009–2015. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://referat-best.ru/articles/budget-rf-2008-2014-2014-2015-2016-2017.html> (Дата обращения 09.03.2015).
3. Медведев Д.А. Заявления по важнейшим вопросам: о бюджетной политике/ Д.А. Медведев // Вопросы социального обеспечения. – 2013. – № 11. – 3–4 с.

СЕКЦИЯ 5.

ВОПРОСЫ ГЕНДЕРА В СОЦИОЛОГИИ

ГЕНДЕР И ЦЕЛЕВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ

Бахронова Дилрабо Келдиёровна

старший научный сотрудник

Узбекского государственного университета мировых языков,

Республика Узбекистан, г. Ташкент

E-mail: dilyabakhronova@mail.ru

GENDER AND TARGET CONCEPTUAL GENDER STEREOTYPES

Dilrabo Bakhronova

senior Research Fellow

of Uzbekistan State World Languages University

Republic of Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

В данной статье автор рассматривает происхождение термина гендер, развитие лингвистической гендерологии, роль гендерных стереотипов в испанской лингвокультуре на примере фразеологических единиц. Изучение качеств, присущих мужчинам и женщинам на примере гендерных стереотипов – один из недостаточно исследованных аспектов гендеролингвистики. Данная исследовательская работа направлена на частичное раскрытие того, как проявляются в испанской лингвокультуре гендерные стереотипы отраженные в фразеологических единицах с зоонимическими компонентами.

ABSTRACT

In this article the author considers the origin of a term gender, development of a linguistic genderology and gender stereotypic on examples phraseological units also their features in Spanish lingvokulturology. Gender stereotypes of female and male character are the low-studied aspect

in a genderlinguistics. This research work is aimed at partial disclosure of how to manifest themselves in the Spanish linguokulturology gender stereotypes reflected in phraseological units with animal name components.

Ключевые слова: гендер; стереотип; гендерные стереотипы; целевые концептуальные стереотипы; фразеологические единицы; паремия; пол; женские качества; мужские качества; зооним.

Keywords: gender; stereotype; gender stereotypes; targeted conceptual stereotypes; phraseological units; paremia; sex; female and male's factors; animal name components.

Гендерная концепция построена на осознании того, что биологический пол (англ. – sex) отличается от социального (англ. – gender) и социальные отношения между полами определяются не только биологическим своеобразием между мужчинами и женщинами, единство социальных ролей значительно шире физиологических различий.

Пол – это анатомическое, физиологическое понятие, то есть единство биологических качеств, определяющих принадлежность индивида к биологическому полу [4, с. 49]. Однако, кроме биологических различий среди людей существуют также социальные роли, виды деятельности, разделение в поведении и психологических характеристиках. В отличие от пола, гендер формируется психологическими, культурными и социальными средствами. Введение такого понятия, как «гендер» помогает осознать то, что «роли мужчин и женщин в обществе имеют социальную организацию и назначение» [2, с. 96]. Исследование гендерных особенностей мужского и женского ПРИОБРЕЛО весомое значение в языковой картине мира различных культур.

Настоящее развитие вопросы гендера получили в западной философии и лингвистике с 80-годов XX века. Как пишет австралийский феминист Д. Спендер в книге “Man Made Language” (1986), по своему происхождению английский язык был предназначен для того, чтобы показать доминирование мужчин в обществе [17, с. 103]. В научных работах того периода были подняты следующие проблемы:

1. Наличие в языке сексизма (к примеру, проблема в применении *Ms*);
2. Общество и сексизм (наличие ситуативных вариантов в устной речи мужчин и женщин);

3. Межполовая связь и коммуникативная компетенция (проблема отсутствия взаимопонимания в контакте полов);

4. Специфика устной и письменной речи женщины.

Современную гендерную лингвистику условно можно разделить на два направления: 1) гендерная лингвистика языка, при этом исследование гендера направлено на сам язык, то есть гендер исследуется посредством языковых знаков, лексических, фразеологических и стилистических особенностей языка, грамматических категорий и синтаксических структур; 2) гендерная лингвистика речи; здесь изучаются различия в речи мужчины и женщины [16, с. 178]. И здесь следует отметить, что гендерная языковая политика является отдельным научным направлением, которое изучается различными феминистическими движениями в контексте применения в повседневной жизни посредством различных рычагов исследования. При **андроцентрическом** сопоставлении языка можно видеть, что внутри определенной языковой системы применение маскулинности проявляется следующим образом: а) в применении мужского рода в описании женского образа (на испанском **un dentista**, на русском **доктор**, на английском **the dentist**); б) применение местоимения мужского рода для общеполового обозначения (на испанском **todos**, на русском **каждый**). В некоторых языках применение лексической единицы *человек*, связано только с мужским родом: на испанском **un hombre**, на русском **человек**, на немецком **das Man**, на французском **un homme**, на английском **a man**. Даже в языках, в грамматике которых имеются артикли, обозначающие пол в текстах не всегда применяются артикли, что приводит к возникновению проблем в различии женского и мужского пола. Например, в грамматике испанского языка наличие артиклей *un (el)*, *una (la)* помогает четко различать женский и мужской образы, однако, в некоторых существительных, относящихся к профессиям, с которыми не применяются артикли женщину или мужчину можно определить только по контексту: *un estudiante – una estudiante, el psiquiatra – la psiquiatra, el terapeuta – la terapeuta*.

Немецкий ученый В. Фон Гумбольд, считающийся **одним из основоположников** гендерной лингвистики в языковедении в книге «О различии между полами и его влиянии на органическую природу» [3, с. 142–159] пишет о различии полов. Описывая мужской и женский пол, он отмечает: «Мужской облик отличается большей определенностью, чем красота и прелесть; мужские понятия отчетливее и тщательнее выделены, а связи между ними проще; мужской характер сильный и имеет твердое направление, но нередко

проявляется как односторонний и жесткий. Все мужское больше проясняющее, все женское больше трогательное. Одно приносит больше света, другое – больше тепла. Ее природа делает ее способной претерпевать сопротивление, освобождает ее от порывистости, поглощающей мужскую силу, потому она достигает длительности своего действия за счет постоянства». Таким образом, В. Фон Гумбольд дал научное определение основам гендера. Вместе с идеей извечного конфликтного противостояния мужского и женского начала в науку входят исследования о гендере. По мнению ученых, в гендероведении происходит слияние социальных, духовных и культурных аспектов, взглядов. Поэтому, как отмечалось выше, гендер превратился в источник научно-исследовательских работ не только в философии и обществоведении, но и в целом ряде дисциплин – лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии и т. д. О.В. Комбарова (2004) отмечает, «... реализуемые нормы и правила взаимодействия индивидов той или иной лингвокультурной общности в процессе коммуникации образуют коммуникативное поведение данного этноса, обладающее национально-специфической характеристикой» [7, с. 174]. Можно сказать, что исследование антропоцентрической интерпретации в различных явлениях языка, а также интерпретация мужских и женских образов в номинациях гендерных стереотипов направлено на проявление этнокультурных качеств, присущих определенной нации (личности). Ниже мы, основываясь на гендерных стереотипах, постарались использовать **пословицы и поговорки** с зооморфизмами с гендерными качествами в языковой картине испанской культуры.

В выявлении роли гендерных стереотипов в языке примечательны научно-исследовательские работы И. Зыковой (2002), О. Шишигиной (2006), Г. Эргашевой (2011) и других, касающиеся гендерных аспектов во фразеологии, паремиологии и метафоризации. И.В. Зыкова, исследуя фразеологические единицы, приходит к выводу, что «... концептуальные основания, участвующие в процессе фразеологической номинации имеют гендерно маркированный характер» [5, с. 145]. О. Шишигина, изучая фразеологические единицы английского языка отмечает, что в гендерной семантике английские ФЕ проявляются эксплицитно и имплицитно [11, с. 311]. Г. Эргашева также в процессе исследования когнитивных, лингвокультурных и прагматических аспектов фразеологических единиц и паремий в английском и узбекском языках отмечает, что а) гендерный аспект в узбекском языке проявляется в выразительном плане, а в английском – в содержательном плане; б) в лексикографических источниках

в концептуальном гендерном анализе понятий человек и мужчина (муж и жена, сын и дочь) *human being* и *man* преобладает андроцентризм [15, 10].

При изучении исследований, проведенных в различных языках, можно видеть, что в них подчеркивается превалирование патриархальной системы в гендерных взглядах. Практически во всех обществах женщину принижали (*исп.* *mirlo blanco*, *узб.* товуқ мия – куриные мозги, *рус.* белая ворона), уподоблять мужчину женщине считалось оскорблением (*исп.* *afeminado*, *рус.* женоподобный, *узб.* хотинмижоз, хотинчалиш), и наоборот, нарекать женщину мужскими качествами считалось достоинством, преимуществом (*исп.* *como un varón*, эркакдек бир сўзли – держит слово, как мужчина, эркакдек ишбилармон – имеет мужскую хватку, *она – как мужчина*). Таким образом, с точки зрения социального формирования – «это система межличностных связей, при помощи которой формируются, характеризуются и восстанавливаются представления, присущие мужчинам и женщинам, являющиеся основными категориями социального порядка» [10, с. 78]. В статье “Харакат-ҳолат феълларининг гендер хусусиятлари” («Гендерные особенности глаголов движения-состояния») исследователь М. Исаева [19, с. 40] анализирует виды глаголов движения-состояния по лексико-семантическим и гендерным особенностям, их смысловые группы, отличающиеся по полу или применяющиеся одинаково по отношению к обоим полам на материале произведений писателя Тогай Мурада. Она приводит следующий пример: **Сказать мужское слово:** Гапнинг эркагини айт. Выражение применено в переносном значении, в других текстах не встречается. Синоним в Толковом словаре узбекского языка: ўғил бола гап – самое веское слово, подходящий разговор. Другой вариант выражения **Гапнинг эркаги** – сказать мужское слово – *гапнинг онаси*, т. е. мать слова – антонимичный в половом значении. В обеих фраземах хотя и прослеживается противопоставление в значении пола, оба выражают одинаковый смысл, **то есть сему сказать самое правильное, веское слово, правду.**

Значит, выражение “гапнинг эркагини айтмоқ” – сказать веское слово отражает позитивный смысл. Выражение “гапнинг онасини айтмоқ” – сказать мать слова, также в положительном ключе, однако в языке применяется реже, чем первое. А выражение, приведенное автором ниже относиться только к женскому полу: **Қўли косов, сочи супурги бўлмоқ:** Қўлини косов қилади, сочини супурги қилади (*Ее волосы-метёлка, руки-кочерга*. О женщине, которая работала, не жалея сил). Если в семантическом окружении выражения имеется в виду

мужской пол, то при этом по отношению к мужчине выражается принижение. А выражение **Уюрдаги айғирдай бўп юрмоқ – быть, как жеребец в табуне** в смысловом аспекте выражает принадлежность к мужчине, потому что известно что слово жеребец обозначает самца: Ана, ферма мудиримиз бор, уюрдаги айғирдай бўп юрибди. (Вот, заведующий нашей фермы ходит, как жеребец в табуне). В Толковом словаре узбекского языка об этом сказано: **Айғир** 1 конь, самец лошади, *ант.* **бия** – кобыла [21, с. 60]. Хотя на эту тему проведено много научно-исследовательских работ, в языковедении гендерные исследования можно изучать условно разделив на несколько групп. Однако, при таком разделении среди лингвистов нет единого мнения. К примеру, в некоторых лингвистических исследованиях даны следующие интерпретации:

1. **Биодетерминизм** (Биологический детерминизм). «В теории биодетерминизма изучается круг воздействия гормональной системы на речевую деятельность мужчин и женщин».

2. **Феминистические исследования** (Coates, Trömel-Plötz, Гречушникова). В своих научно-исследовательских работах в данном направлении лингвисты выделяют лексические единицы, присущие женщине в языке, обосновывают превалирование андроцентризма в языке, показывают, что **гнет** мужчин по отношению к женщинам отражен в определенной языковой картине.

3. **Лингвокультурные и этнокультурные исследования** (Кириллина, 2000; Бакушева, 1995; Тихомирова, 1997; Антинескул, 2000 и др.) В рамках этого направления исследователи показывают влияние гендера в качестве детерминантного фактора на деятельность контактирующих, на их язык, речь и устойчивые словосочетания. Именно это лингво- и этнокультурное направление на сегодняшний день является актуальным, и в этой сфере в лингвистической гендерологии реализуются многие научно исследовательские работы (Зыкова, 2002; Колегаева, 2002; Пименова, 2002; Ефремов, 2011, Г. Эргашева, 2011 и другие).

А.В. Кирилина и М.В. Томская в научной статье под названием «Лингвистические гендерные исследования» [6] отмечают, что современная **гендерная лингвистика исследуется** в следующих трех основных направлениях:

1. Социальное и психолингвистическое направление, посредством письменных и устных текстов изучающее первичные/вторичные естественные и социальные гендерные различия;

2. Лингвокультурологическое направление, изучающее гендерные аспекты фразеологии, гендерные метафоры, выражающие

культурные понятия, такие как женственность, мужественность, специфику гендерных несоответствий, стереотипов маскулинности и фемининности;

3. Коммуникативно-дискурсивное направление, исследующее гендерные конструкции, возникающие в результате общения между мужчиной и женщиной, гендерные особенности мужской и женской речи.

Ниже мы остановимся на речевых стереотипах маскулинности и фемининности гендерной лингвистики. По нашему мнению, речевые гендерные стереотипы основаны на культурных и социальных суждениях о качестве и нормах речевой деятельности представителей обоих полов и их выражении в языке.

Отмечается, что гендерные стереотипы (ГС) как и все культурные стереотипы существуют в языке в качестве устойчивых сочетаний [Словарь гендерных терминов, 2002]. Американский ученый У. Липпман, изучивший сущность общественного мнения и человеческую деятельность с социально-психологической точки зрения, в начале XX века в своей книге «Общественное мнение» (Public Opinion, 1922) ввел в науку слово «стереотип» в качестве научного термина [Липпман 2004: 98]. По мнению У. Липпмана, «в большинстве случаев мы не сначала видим, а потом даем определение, мы сначала определяем для себя то или иное явление, а потом уже наблюдаем его. Во всей неразберихе внешнего мира мы выхватываем то, что навязывает нам наша культура, и мы имеем очевидную тенденцию воспринимать эту информацию в форме стереотипов» [8, с. 97]. Мы полагаем, что стереотип – это часть картины мира, которая в нашем сознании проявляется посредством любого устойчивого, основанного на национальной культуре самого малого понятия-представления. Следовательно, стереотипы отражают в себе национальный культурный колорит и пол говорящего. По мнению О. Ворониной (2001), кроме биологических и социальных аспектов на гендер оказывают влияние культурные аспекты. В самом широком смысле культура – это то, что возникло в процессе осознания и упорядочения человеком знаний о мире. Именно это отличает человека от мира животных. Культура вобрала в себя следующее – «... символическое восприятие мира через язык, обычаи, образ жизни, нормы поведения, мышление, ценности, легенды и искусство» [1, с. 121].

В отличие от биологических особенностей пола во всех понятиях, считающихся «мужскими» в социальном, культурном и языковом восприятии или уподобляемых ему, воплощены положительные

аспекты, такие как ценность, значимость и превосходство. А качества, которые считаются «присущими женщине», обозначаются как вторичные, негативные и подчиненные. В нашей повседневной жизни многие понятия, несвязанные с полом считаются присущими мужчинам или женщинам. То есть имеют половой, гендерно-стереотипный аспект. Для того чтобы различать понятия, «присущие мужчинам или женщинам», приняты понятия «фемининность» (женской) и «маскулинность» (мужской). Введение новых понятий позволило устранить биологические противоречия, изучить в гендерном контексте внутренние механизмы формирования различных культур. При изучении нами на примере испанских фразеологизмов и паремий, являющихся духовным достоянием народа, результатом накопленного им опыта, характерных женских и мужских качеств, гендерных стереотипов испанской лингвокультуры, мы убедились в том, что в языковой картине данной нации в ФЕ, отражающих маскулинность доминирует позитив, а в выражениях, освещающих женские качества, преобладает негатив. В исследовании использованы выражения из словарей DRAE (1992), DUE (1998), CLAVE (2002), O'TIL (Толковый словарь узбекского языка) и научного пособия Г. Корпас Пастора "Manual de fraseología" (1998).

Такое положение можно видеть и в других языках. К примеру, С. Трёмел-Плётц (Trömel-Plötz, S., 1994) исследовавший лексические единицы, имеющие отношение к роду в немецком языке, выявил, что основная часть слов, обозначающих отрицательные качества людей, имеет отношение к женскому роду [20, с. 44]. Русская ученая З. Пименова (2002), при сопоставительном изучении концептов, имеющих отношение к внутреннему эмоциональному миру человека в русском, словацком, французском языках, выявила, что такие концепты также принадлежат в основном к женскому роду и отметила следующее: «При сравнении родовых признаков слов, обозначающих эмоции, выявляется последовательная закономерность приписывания им признака женского рода» [9, с. 132–136]. В работе исследователя Г. Эргашевой примечательно следующее высказывание о гендере: «Постоянное взаимодействие и конфликт мужского и женского формирует и меняет ментальный мир, а также идеологию, культуру и нравственность. Значит, дуполярность и противостояние есть суть возникновения гендера» [15, 13].

В нижеследующей таблице с использованием словарей испанского языка показано, как при освещении ГС через образы животных выражается маскулинность и фемининность:

Таблица 1.

**Ассоциативность, присущая маскулинности и фемининности ГС
через образ/качеств животных**

Ассоциативность, присущая маскулинности	Ассоциативность, присущая фемининности
rápido, agresivo, fuerte, sucio, furioso, pequeño, insignificante, dañino, arrogante, astuto, dormilón, feroz, intensidad, peligroso, raro, salvaje, torpe, ágil, bruto, buena vista, testarudo, culpable, fácil de engañar, feo, grande, grosero, homosexual, afeminado, loco, orgulloso, perezoso, pesado, poca vista, potente, trabajador, valiente	ágil, agresiva, apresada, astuta, bajo/fuera de control, cintura delgada, cobarde, cruel, demasiado fértil, desconfianza, feroz, frívola, fea, fuerte, furiosa, gorda, grande, grosera, habladora, loca, muda, pesada, trabajadora, insignificante, irritante, pene, repulsiva, sucia, valiente
Всего: 36 качеств	Всего: 29 качеств

По наличию позитивных и негативных качеств мужского и женского ГС, охваченных нашим исследованием выявлено следующее процентное соотношение:

Таблица 2.

**Процентное соотношение позитивных и негативных качеств
маскулинности и фемининности ГС**

<i>B 100 %</i>	Присущее мужскому	Присущее женскому
Позитив	9 качеств – 25 %	6 качеств – 20,7 %
Негатив	27 качеств – 75 %	23 качеств – 79,3 %

Параметры таблицы показывают преобладание негатива по отношению к позитиву, из этого следует вывод, что в испанской культуре при формировании ассоциаций женского и мужского посредством образов животных от них переносились в основном негативные качества. В ГС, связанных с женским началом, через образы животных формируется на 4,3 % больше пейоративности.

Испанский лингвист Р. Гутierrez (GUTIERREZ RUBIO, 2013) для облегчения исследовательской работы предложил называть стереотипы «целевыми концептуальными гендерными стереотипами» (ЦКГС). По мнению ученого, под каждым стереотипом скрывается определенная установка, цель. К примеру, в выражении “**los hombres son animales (macho)**” преобладает маскулинность (мужской пол). Это выражение ставит целью показать доминирование мужчин в обществе,

их силу, агрессивность, мужество, конкурентоспособность, упрямство [16, с. 131]. Продолжим мысль на примерах:

El hombre está hecho para el trabajo y el ave para volar. В этом выражении с ЦКГС, отражающем трудолюбие, ставиться цель объяснить, что как и птица не может не летать, человек тоже не может жить без труда.

Как в испанском, так и в узбекском языке очень часто внутренняя форма выражений с ЦКГС связана с характеристикой внешнего вида и ментальных качеств человека: **memoria de gallo/gallina (de grillo)** (исп.) [14, Т. II, 1363] – **ковокбош, товук мяя** (узб.) [21, Т. V, 318] человек, имеющий плохую память. Этим примером ЦКГС отражаются плохая память на испанской языковой картине мира (ЯКМ) через образ петуха/курицы и сверчка, а на узбекской ЯКМ – тыквы и курицы.

Las mujeres son aves de paso. Здесь женщины уподобляются перелетным птицам. В этом выражении преобладает пейоративность, отражен стереотип, присущий испанской культуре, который применяется мужчинами. При этом в основном подразумевается легкомыслие женщин, не умение обосноваться в одном месте. Хотя в каждом народе встречаются женщины легкого поведения, подобного рода выражения не встречаются на узбекском ЯКМ. Потому что издревле для узбекской женщины семья являлась главной ценностью. Однако в лексеме “**кушча**” – *птичка*, применяемой на узбекском ЯКМ по отношению к женщинам, читается именно такой смысл. Например: Энди у «кушча» гах десам кўлимга кўнади, дегандинг. Ундай бўлмабди-ку, – деб Жахонгир кизарган кўзларини сузиб, хиринглади. (Ты же говорил, что эта птичка сразу же сядет к тебе на лапу, видно, так не случилось, – сказал Жахонгир, прищурив покрасневшие глаза и хихикая) [12].

Caracoles y hombres de pocos arrestos mueren donde nacieron. ФЕ с ГС, где **гусеница** является символом свободы, и эти понятия ассоциируются с женщиной. По нашему мнению, почти во все времена по отношению к женщинам существовало понятие подчиненности, слабости, поэтому здесь мужчина подается в качестве символа свободы, независимости.

La vaca ya ha olvidado que una vez fue ternero. В выражении фемининности используется образ коровы, который ассоциируется с женщиной, что присуще многим народам мира, его происхождение связано с ментальными представлениями каждого народа. В этой пословице утверждается, что женщина есть строгая мать, и через образ коровы, забывшей, что она когда-то сама была теленком, отмечается,

что мать, забывшая свое детство не должна быть слишком строга с детьми. Это и есть концептуальный стереотип, отраженный в пословице.

Исходя из вышесказанного, можно сказать, что гендер является сложным комплексом социальных и психологических процессов, а также гендер имеет **важное** значение при изучении в контексте влияния культурных программ, выработанных обществом на речь определенной нации или личности. Язык и культура – явления взаимосвязанные, поэтому первое всегда определяет второе, их взаимодействие способствует развитию того и другого. Ведение исследований лексических единиц и фразеологических сочетаний на примере целевых концептуальных гендерных стереотипов способствует развитию лингвистики, осмыслению своеобразных качеств языковой картины другой культуры.

Список литературы:

1. Воронина О.А. Универсализм и релятивизм культуры в конструировании гендерной системы. Учебник. Основы гендерных исследований. МГЦИ. М. 2001. –121 с.
2. Гендер и культура. Учебное пособие для студентов гуманитарных факультетов. /Отв. ред. Маргарита Хегай. Душанбе: «Азия-плюс», 1999. – С. 96.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985. – С. 142–159.
4. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера. Сборник статей «Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях». МЦГИ. 2001. – С. 49.
5. Зыкова И.В. Гендерный компонент в структуре и семантике фразеологических единиц современного английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. М.: 2002. – С. 145.
6. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. № 2 (23) 2005, Общество в зеркале языка. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/2/lingvisticheskie-gendernye-issledovaniya> (дата обращения 10.11.2015).
7. Комбарова О.В. Аксиологическая лингвистика: линвокультурные типы: Сб. науч. тр. / Под ред. В.И. Карасика. – Волгоград, 2005. – С. 174.
8. Липпман У. Общественное мнение. М., 2004. ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь // Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. – С. 97.

9. Пименова З.П. Образ мужчины и женщины в языке и культуре (на примере текстов французской рекламы) / З.П. Пименова, А.Г. Дульянинов // Язык. Человек. Этнос. – Кемерово, 2002. – С. 132.
10. Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера. /пер с англ. Е. Здравомысловой //Гендерные тетради: Труды Санкт-Петербургского филиала, Института социологии РАН. Вып.1. СПб, 1997. – С. 78.
11. Шишигина О.Ю. Этнические признаки концепта «женщина»: на материале фразеологических единиц английского языка, семантически ориентированных на лицо женского пола // Язык. Миф. М., 2007. – Вып. 4. – С. 308–316.
12. Амонов З. Ойнинг ўн беш (Янги синовлар). 22-қисм. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – <http://www.muloqat.uz/blogs/42388/6424/oyning-o-n-beshi-yangi-sinovlar-2> (дата обращения 5.11.2015).
13. Covarrubias y Orozco, S. de, 1611–1674: Tesoro de la Lengua Castellana o Española, Madrid: Luis Sánchez; ed. de Martín de Riquer, Barcelona: S.A. Horta, 1943. – 1403 p.
14. DRAE (Diccionario de la Real Academia Española). Madrid, 1992, T. I, II.
15. Ergasheva G. Инглиз ва ўзбек тиллари фразеологизм ва паремияларида гендер аспектининг қиёсий–типологик тадқиқи. Филол. фан. номзоди илмий даражасини олиш учун тақдим этилган ДИСС. Т., 2011. – Б. 10, 13.
16. Gutiérrez Rubio E. Fraseología y estereotipos en español. ¿Una relación bidireccional? Language design: journal of theoretical and experimental linguistics, Vol. 15, Núm. (2013), p. 119–136, ISSN 1139–4218 [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://ddd.uab.cat/record/116827> (дата обращения 10.10.2014)
17. Pershai A. Semantics of Gender: On Gender Stratification in Idiomatic Expressions. European Humanities University Press, Vilnius, Lithuania, 2014. – 178 p.
18. Spender D. «Man Made Language». – Pandora Press, 1990. – 265 p.
19. Til va adabiyot ta'limi. Тошкент, – 2014, – № 3 – В. 39-41.
20. Trömel–Plötz S. Frauensprache: Sprache der Veränderung / S. Trömel–Plötz. – Frankfurt–am–M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1994. – P. 44.
21. O'TIL (O'zbek tilining izohli lug'ati). Toshkent, DIN, 2006. – T. I-V.

Научное издание

**«ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ»**

Сборник статей по материалам

III международной заочной научно-практической конференции

В авторской редакции

Подписано в печать 18.11.15. Формат бумаги 60x84/16.

Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 6,125. Тираж 550 экз.

Издательство АНС «СибАК»

630049, г. Новосибирск, Красный проспект, 165, офис 4.

E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного

оригинал-макета в типографии «Allprint»

630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3